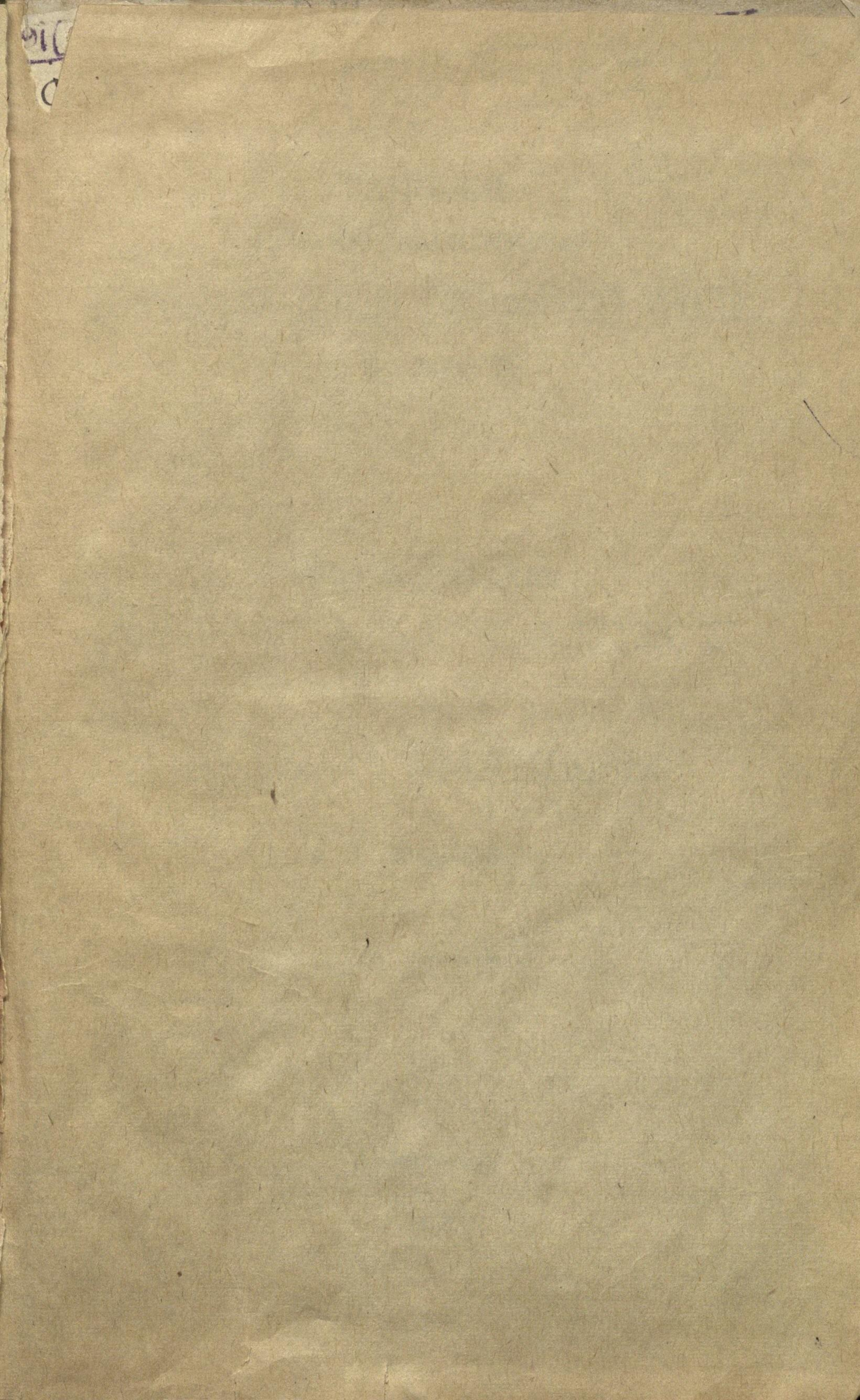
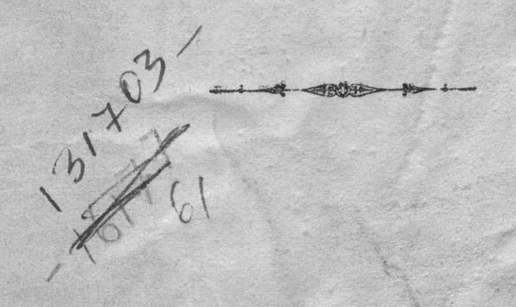

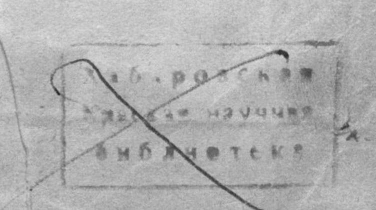
ЗАПИСКИ
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
т. II, вып. III.

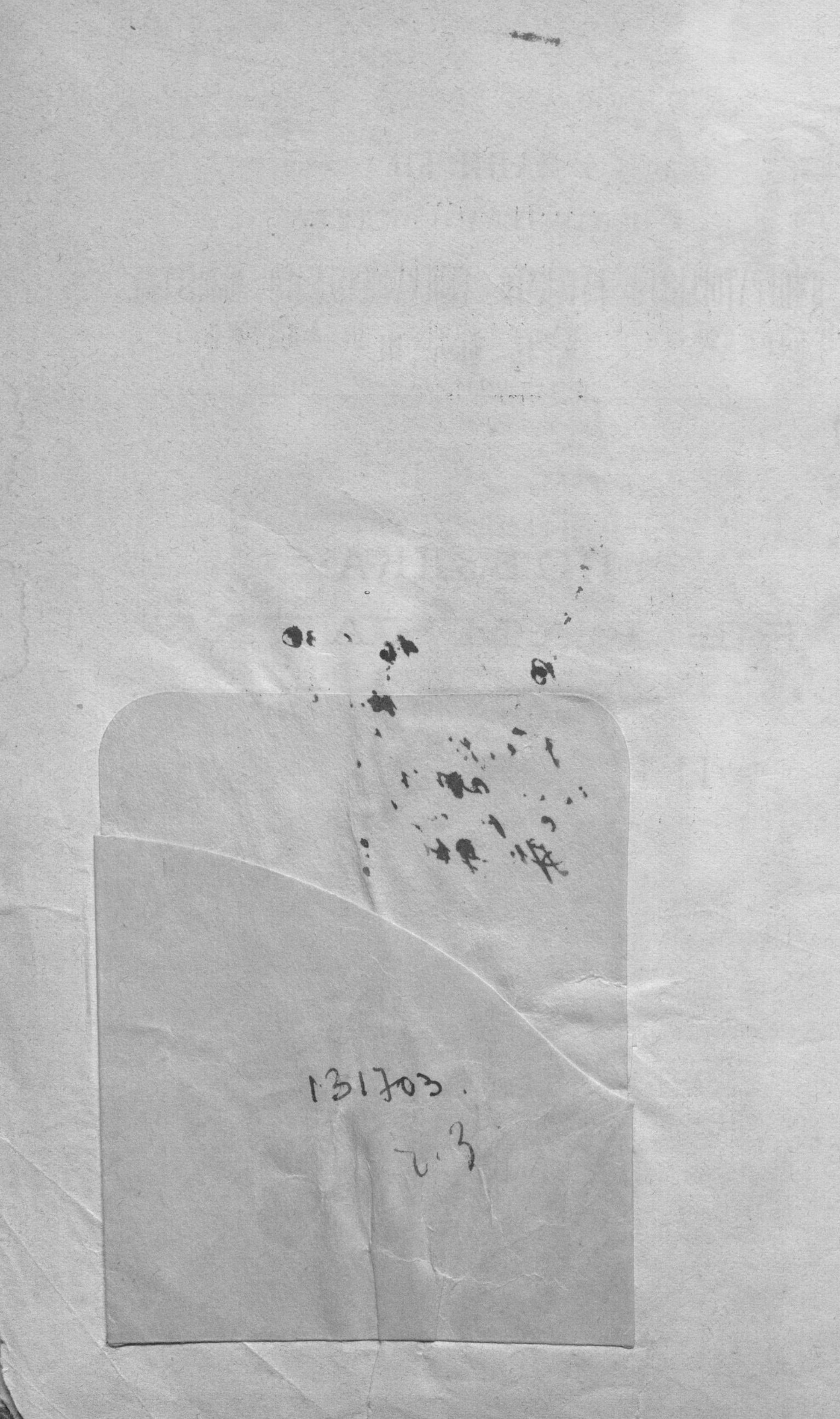
ПОѢЗДКА ВЪ КАМЧАТКУ И И НА Р. АНАДЫРЬ.

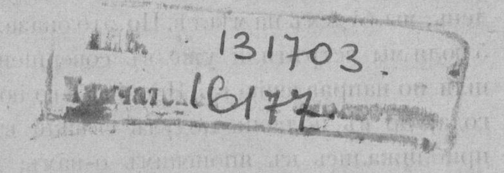
А. П. СИЛЬНИЦКАГО.

Г. ХАБАРОВСКЪ:
Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.
1897.

131703
2.3

Поѣздка въ Камчатку и на р. Анадырь

(личныя впечатлѣнія).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О.

А. П. СИЛЬНИЦКАГО.

ГЛАВА I.

Изъ Владивостока въ Петропавловскъ. Впечатлѣнія Камчатки.

На рѣку Анадырь, а попутно и въ Камчатку, ежегодно доставляются различные запасы и почта. Въ этомъ году, при посредствѣ торговаго дома «Кунстъ и Альберсъ», былъ зафрахтованъ Приморской администраціей датскій пароходъ «Freyer», на который была погружена почта и всѣ товары, предназначенные на рѣку Анадырь и въ Камчатку. Товары, принятые пароходомъ, состояли: изъ муки, соли, каменнаго угля, различныхъ матерій, желѣзныхъ издѣлій, керосина, чая и сахара. Общій вѣсъ казеннаго груза не превышалъ 4 т. пудовъ.

Въ качествѣ представителя администраціи, на котораго возлагается отвѣтственность за почту, былъ посланъ я. Такъ какъ страны, мною посѣщенныя, весьма удалены и такъ какъ бывавшіе тамъ считаются единицами, то мнѣ поручено было сдѣлать общему собранію Приамурскаго отдѣла докладъ о моемъ путешествіи.

Нагрузка зафрахтованнаго парохода была закончена 3-го іюля, а 4-го іюля, въ 5-мъ часу вечера, мы снялись съ якоря. Начало плаванія было прекрасно. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый и теплый; наступившая ночь была звѣздная. Мы шли со скоростью 10 миль въ часъ. На рубкѣ, при свѣтѣ фонаря, командиръ и штурманъ, съ циркулемъ и карандашами въ рукахъ, вычисляли время нашего вѣроятнаго прихода въ Петропавловскъ.

Основываясь на вычисленіяхъ, командиръ сказалъ, что 12-го, въ полдень, мы будемъ на мѣстѣ. Но это оказалось не совсѣмъ точно. Утро 5 іюля мы встрѣтили уже въ совершенно безбрежномъ морѣ; мы шли по направленію къ Японіи, 5-го іюля, съ утра, была ясная погода; но въ полдень подулъ свѣжій вѣтерокъ; чѣмъ болѣе мы приближались къ японскимъ о-вамъ, тѣмъ болѣе усиливался вѣтеръ, а ясное голубое небо, мало по малу, заволакивалось тучами; море волновалось. Въ ночь, съ 5 на 6 іюля, мы попали въ туманъ. Пройдя Сангарскій проливъ, мы взяли курсъ на сѣверъ и шли вдоль Курильскихъ о-вовъ. Но туманная погода, ни на минуту не прояснявшаяся, не позволяла намъ видѣть ничего, кромѣ парохода и маленькой, не болѣе 50 саж., полосы моря. Бывали даже дни, въ которые, иногда въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, съ кормы парохода не было видно его носа. Качка, не перестававшая ни на минуту, туманъ, а иногда и дождикъ, дѣлали наше плаваніе томительно скучнымъ. Все наше общество состояло изъ одной пассажирки, ѣхавшей въ Камчатку, съ 2 маленькими дѣтьми, командира, штурмана, механика и меня. Качка, хотя, по увѣренію моряковъ, и слабая, тѣмъ не менѣе укачала мою спутницу и ея дѣтей. На меня качка не дѣйствовала; а потому я проводилъ большую часть времени въ каютъ-кампаніи и на рубкѣ.

Нужно замѣтить, что ни одинъ человѣкъ изъ пароходной команды не зналъ по русски ни слова. Командиръ и штурманъ, кромѣ датскаго и англійскаго языковъ, знали немного нѣмецкій. Я никогда не говорилъ по нѣмецки и никогда не рискнулъ бы говорить, если бы не встрѣтилось серьезной необходимости. Ко мнѣ обращалась съ разными просьбами моя заболѣвшая спутница и мнѣ, волей неволей, пришлось припомнить познанія въ нѣмецкомъ языкѣ, полученныя когда то, при изученіи нѣмецкой граматики Кейзера. Гдѣ словами, гдѣ пантомимой, я, кое какъ, объяснялся съ датчанами и тѣмъ разнообразилъ скучное плаваніе.

12-го іюля, утромъ, командиръ объявилъ, что мы находимся близъ входа въ Авачинскую губу; показалъ онъ и направленіе, куда слѣдуетъ повернуть пароходъ, но войдти не могъ. Входъ въ устье Авачинской губы обозначенъ на англійскихъ картахъ безчисленнымъ множествомъ камней; въ теченіе 5 послѣднихъ дней, вслѣдствіе постояннаго тумана, нельзя было опредѣлить положеніе парохода при помощи секстанта, а по-

тому предположеніе командира было, такъ сказать, гадательно. Мы не могли идти ни впередъ, ни назадъ, а туманъ не только не разсѣивался, но даже сгущался. Въ такомъ положеніи, почти на одномъ мѣстѣ, мы держались болѣе сутокъ.

Лишь 14-го іюля, около 11 часовъ утра, при слегка разсѣявшемся туманѣ, выглянуло солнышко и открыло нашимъ глазамъ чудную панораму Камчатскаго берега, изрѣзаннаго самыми прихотливыми бухточками, окаймленнаго высокими скалистыми горами, покрытыми снѣгомъ. Прямо передъ нами, командуя надъ всею окружающею мѣстностью, показалась Корякская сопка, имѣющая около 13 т. ф. высоты. Корякская сопка находится въ 45 верстахъ отъ г. Петропавловска; въ ясную погоду, освѣщенная солнцемъ, она, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ, необычайно красива. Въ ясную погоду, съ моря, видно какъ она дымится. Дымъ сопки есть лучшій предсказатель погоды въ Камчаткѣ. Видна Корякская сопка, ея дымъ не застилаетъ кратера—будетъ хорошая погода; началъ застилаться кратеръ, исчезла вершина сопки въ облакахъ—будетъ ненастье. Увидя Корякскую сопку, нечего было и пользоваться секстантомъ. Мы вошли въ Авачинскую губу.

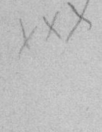
При входѣ въ устье Авачинской бухты стоятъ три огромные камня, изъ коихъ одинъ, пробитый волнами, напоминаетъ арку. На верху камней гнѣздится безчисленное количество морскихъ чаекъ, а около нихъ и по всей губѣ, плаваютъ несмѣтныя стаи утокъ, различныхъ породъ. При приближеніи парохода къ стаѣ, между утками начинается страшный переполохъ; долго бѣгутъ онѣ, хлопая крыльями по водѣ и, наконецъ, всѣ, какъ бы по командѣ, ныряютъ въ воду. Нырнувъ, утки держатся подъ водой минуты 2.

Войдя въ Авачинскую губу, мы тотчасъ же увидѣли Сигнальную гору и тотъ знаменитый мысъ, на которомъ въ 1854 г., въ августѣ мѣсяцѣ, развѣвался крѣпостной флагъ, свидѣтель по словамъ В. С. Завойко, подвиговъ чести и русской доблести *). Нынѣ эта гора покрыта лѣсомъ, рубить который на домашнія надобности, петропавловцы считаютъ преступнымъ. Охраняя

*) Подробности знаменитой въ лѣтописяхъ русской арміи обороны Петропавловска, извлеченныя мною, по распоряженію Главнаго Начальника края С. М. Духовскаго, изъ дѣлъ Владивостокскаго портоваго архива, составляя отдѣльную книжку, печатаются нынѣ въ типографіи штаба Приамурскаго военнаго округа и скоро выйдутъ въ свѣтъ. Авторъ.

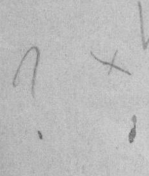
этотъ лѣсъ, камчатское населеніе чтитъ память героевъ Петропавловска, кровь которыхъ пролита на мѣстахъ, заросшихъ этой заповѣдной дубравой.

Пройдя верстъ 5 по бухтѣ, мы увидѣли и самый городъ Петропавловскъ. Онъ состоитъ изъ небольшой группы домиковъ, построенныхъ на склонѣ Никольской горы, на берегу маленькой бухточки, служащей заливомъ Авачинской губы и называемой Ковшикомъ. Въ зелени столѣтнихъ тополей, посаженныхъ, какъ говорятъ, руками Беринга, стоитъ маленькая деревянная церковь. На лѣвой сторонѣ бухты устроены зданія для складовъ товарищества котиковыхъ промысловъ и сложена куча сахалинскаго угля, предназначеннаго для крейсирующихъ у Командорскихъ о-вовъ 2 русскихъ и 2 англійскихъ военныхъ судовъ.

Въ маленькой бухточкѣ, отдѣленной отъ другой, еще меньшей, песчаной косой, называемой жителями Кошечка, въ моментъ нашего прихода стояло 5 судовъ: 2 англійскихъ военныхъ крейсера, судно компаніи котиковыхъ промысловъ, пароходъ, доставляющій съ Сахалина уголь и русскій крейсеръ «Якутъ».

На косѣ, раздѣляющей обѣ маленькія бухты, по повелѣнію Императора Александра III, поставленъ въ 1882 г. командою клипера „Разбойникъ“ памятникъ „Слава“, напоминающій прибывшему о знаменитомъ отраженіи англо-французской эскадры 24 августа 1854 г.

Вторая бухта, на правомъ берегу которой расположенъ Петропавловскъ, будучи также тиха, какъ любой прудъ, тѣмъ не менѣе, настолько глубока, что большія морскія суда пристаютъ къ берегу чуть ли не вплотную. По словамъ капитана парохода «Freyer», посѣтившаго въ теченіе своей 42 лѣтней морской службы портывсего міра, лучшей гавани, какъ этотъ Ковшикъ, нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы бросили якорь, устроенъ казенный складъ. Этотъ складъ днемъ и ночью охраняется часовыми изъ Камчатскихъ казаковъ. У самаго склада устроена будочка, предназначенная для укрытія часоваго отъ дождя, снѣга и вѣтра.

Камчатскіе казаки, оставленне въ 1855 г. для надобностей земскаго управленія, относятъ Царскую службу чуть ли не по воин-

скому артикулу Петра Великаго и никакіе воинскіе уставы послѣднихъ временъ не коснулись камчатской команды. Всякій казакъ обязанъ пожизненной службой; только болѣзнь и совершенная дряхлость освобождаютъ его отъ нея. Казаки не ропщутъ на свою судьбу, ибо о другихъ порядкахъ они не слышали и отношенія ихъ къ начальству и къ службѣ самыя патріархальныя. Всѣ казаки имѣютъ свои домики, получаютъ казенный паекъ, занимаются промыслами. Служба казаковъ состоитъ: въ нарядахъ на часы у склада провіанта и у пороховаго погреба, въ дежурствѣ по городу, въ сопровожденіи начальства въ его поѣздкахъ по округу, въ охраненіи лежбища морскихъ бобровъ у мыса Лопатки и въ кратковременныхъ командировкахъ. На весь петропавловскій гарнизонъ выдана одна шашка, которая, во время стоянки судовъ, надѣвается дежурными по городу; въ складѣ же, на всѣхъ казаковъ, числомъ 23, имѣются и шашки и ружья; но ружья тѣ, которыми обороняли въ 1854 г. Петропавловскъ и которые, будучи оставлены въ складѣ, едва ли когда вынимались.

Любопытенъ камчатскій часовой. Онъ стоитъ на часахъ въ камлейкѣ, въ торбасахъ; никакого оружія при немъ нѣтъ; въ хорошую погоду онъ вяжетъ сѣть или ловитъ рыбу (складъ у самаго берега), а въ дурную, укутавшись въ доху, почиваетъ. Къ чести Петропавловскаго населенія о воровствѣ тамъ не слышно и часовой стоитъ, какъ говорилъ мнѣ окружный начальникъ потому, что такъ полагается.

Камчатскіе казаки, если не смотрѣть на нихъ, какъ на воиновъ, производятъ прекрасное впечатлѣніе. Ведя свой родъ отъ завоевателей Камчатки, считая своихъ отцовъ въ числѣ героевъ знаменитой обороны города, они смѣтливы, смѣлы, неутомимы, послушны, вѣжливы и честны. Ихъ домики опрятны снаружи и внутри. У каждаго казака есть свое хозяйство, огородъ, корова, батъ (лодка) и неводокъ. У многихъ казаковъ я былъ въ гостяхъ. Въ бесѣдахъ со мною они не высказывали никакого неудовольствія на свою судьбу и вообще, насколько я могу судить, довольны своимъ положеніемъ. Служба ихъ не обременительна и казенные пайки, какъ мнѣ кажется, считаются ими большимъ подспорьемъ, ради котораго можно и постоять на часахъ, и съѣздить съ начальствомъ по округу.

Постройки Петропавловска двоякаго типа: бѣднота построила дома изъ тополеваго лѣса, а люди имущіе изъ амери-

канскаго. Американскіе дома построены собственно изъ досокъ и ихъ стѣны, по своему виду, напоминаютъ вагоны. Стѣны домовъ имѣютъ двойной рядъ досокъ, между которыми насыпана земля. Лучшій домъ въ городѣ—это домъ, занимаемый окружнымъ начальникомъ. Онъ построенъ по плану В. С. Завойко и состоитъ изъ 6 комнатъ. Балконъ выходитъ въ прекрасный паркъ (тополевый), посрединѣ котораго протекаетъ сильно журчащій ручей. Этотъ ручей выбѣгаетъ изъ Никольской горы и съ быстротою водопада протекая по парку, вливается въ бухту. Его водою, чистою какъ кристалъ, пріятною на вкусъ. пользуется все петропавловское населеніе. У ограды парка, ручей впадаетъ въ деревянный басейнъ, служашій и іорданью, и водоемомъ.

Въ городѣ слѣдующія достопримѣчательности: 1) памятникъ «Слава», о которомъ сказано выше; 2) памятникъ Берингу, основателю Петропавловска; этотъ памятникъ поставленъ внутри церковной ограды и есть нечто иное, какъ простая гранитная колонна, 2½ арш. высоты и 5 вершк. по діаметру, съ крестомъ на верху; 3) памятникъ Лаперузу; этотъ памятникъ поставленъ на перешейкѣ Сигнальной горы и состоитъ изъ гранитной глыбы, съ надписью „памяти Лаперуза"; 4) часовня, построенная у братской могилы, гдѣ съ одинаковой честью погребены и русскіе, и французы, и англичане, павшіе въ дни обороны Петропавловска. На этой могилѣ поставлены 3 чугунныхъ креста, съ надписями на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ: „Здѣсь лежатъ герои, вѣрные своему долгу; молитесь о нихъ„. Въ эту часовню, 23 августа, ежегодно, собирается все населеніе г. Петропавловска и его окрестностей, къ слушанію торжественной всенощной и панихиды по воинамъ, на брани убіеннымъ.

День же 24 августа празднуется въ Петропавловскѣ торжественной литургіей, молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ города, при чемъ на мѣстахъ, гдѣ въ дни обороны были воздвигнуты батареи, крестный ходъ останавливается и священникъ читаетъ положенныя чиномъ православной церкви молитвы. Въ этотъ день, по установившемуся изстари обычаю, окружный начальникъ даетъ обѣдъ всему городу, безъ различія званій и состояній. Вечеръ же 24 августа празднуется ужиномъ на судахъ, крейсирующихъ въ камчатскихъ водахъ.

Городъ Петропавловскъ, какъ извѣстно, относится къ числу малолюднѣйшихъ. Всеми городскими дѣлами Петропавловска вѣдаетъ городской староста единолично. Староста, между

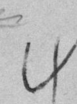
прочимъ, состоитъ попечителемъ городского училища, а ближайшее завѣдываніе училищемъ находится въ рукахъ учителя—человѣка, окончившаго съ отличіемъ С.-Петербургскій учительскій институтъ и преданнаго своему дѣлу. Въ прошломъ году назначенъ учительскій помощникъ, лицо, также получившее спеціальную подготовку. Успѣхи дѣтей не оставляютъ желать лучшаго. Я видѣлъ ихъ письменныя работы, а съ нѣкоторыми изъ учениковъ бесѣдовалъ. Какъ письменныя работы, такъ и отвѣты учениковъ, свидѣтельствуютъ, что ихъ дѣйствительно учатъ уму-разуму. Помимо обученія грамотѣ, въ школѣ обучаютъ пѣнію и столярному ремеслу. Столярное же ремесло, какъ мнѣ кажется, будетъ имѣть огромное значеніе для края.

Камчатка, до послѣдняго времени, не экспортировала свои рыбныя богатства. Съ 1895 года, компанія котиковыхъ промысловъ начала практиковать засолъ рыбы, по особму способу, который даетъ возможность сбывать ее въ китайскихъ и японскихъ портахъ и даже вывозить въ Америку и Европу. Сдѣланные въ этомъ году опыты, хотя и въ ничтожномъ размѣрѣ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Главное затрудненіе предстоитъ въ посудѣ.

Въ Камчаткѣ, какъ извѣстно, никогда никакія ремесла не процвѣтали; даже теперь я видѣлъ, какъ доска выдѣлывается топорами изъ цѣльнаго дерева. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать обученіе столярному ремеслу камчатскихъ мальчиковъ.

Попытка учителя создать въ Камчаткѣ ремесла встрѣтила полное сочувствіе у начальника округа, г. Ошуркова, который, въ свою очередь, проситъ Приморскаго губернатора, П. Ф. Унтербергера, о присылкѣ въ Камчатку хорошаго бондаря. Есть основаніе думать, что просьба окружнаго начальника будетъ уважена и что попытка почтенныхъ дѣятелей Камчатки, въ связи съ зарождающимся промысломъ рыбы, будетъ имѣть важныя послѣдствія для захудалаго края.

Рыбныя богатства Камчатки несмѣтны. Я лично видѣлъ, какъ, въ теченіе 3-хъ часовъ, одинъ работникъ, съ двумя подростками-сыновьями, маленькимъ неводомъ, не болѣе 4-хъ саж. длины, наловилъ 315 большихъ рыбъ, въ общемъ, не менѣе 150 пудовъ. Рыба же камчатская: чавыча, кижучъ, горбуша, хайко и сельдь, на вкусъ, превосходны. Кромѣ этой рыбы, къ западному берегу Камчатки, къ сел. Явино и Голыгино, ежегодно приплываетъ треска; ходъ этой рыбы, продолжающійся съ половины іюня до конца іюля, могъ бы служить источникомъ благосостоянія всей Камчатки. Въ этомъ году, по примѣру прош-

лыхъ лѣтъ, прибыли 2 американскихъ шхуны, для промысла трески. Добывая ежегодно до ½ милл. рыбъ, американцы пріобрѣтаютъ огромные барыши.

Въ этомъ году окружный начальникъ попробовалъ послать въ Явино 1 казака, поручивъ ему объявить американцамъ, что за право промысла слѣдуетъ сначала внести въ Петропавловскѣ 2 т. р., а затѣмъ уже промышлять. Американцы, безпрекословно испонили требованіе представителя русской власти, безоружнаго казака и внесли требуемую пошлину, которая и препровождена г. Ошурковымъ губернатору. Этотъ случай камчатскіе обыватели комментируютъ, какъ показатель большой выгоды промысла трески. Г. Ошурковъ озабоченъ эксплоатировать треску безъ посредства американцевъ. Онъ полагаетъ, что если бы былъ данъ для службы въ Камчаткѣ пароходъ, то его стоимость окупилась бы въ три года. Какъ на источникъ пріобрѣсти пароходъ, можно указать, между прочимъ, на суммы, изъ которыхъ ежегодно расходуется 9 т. рублей на зафрахтованіе такъ наз. анадырскаго парохода, на которомъ плылъ я, получающаго эту сумму за рейсъ на Анадыръ и обратно.

Кромѣ рыбнаго богатства, можно указать на всѣ данныя къ самому широкому развитію скотоводства. Камчатскія травы, какъ по своему обилію, такъ и по питательнымъ свойствамъ, могутъ прокормить скотъ въ любомъ количествѣ. Въ настоящее время скота въ Камчаткѣ много; есть хозяйства, считающія свое стадо 3-мя и 4-мя десятками головъ и такія хозяйства не составляютъ исключенія. Скотъ не пользуется особымъ вниманіемъ камчадаловъ и существуетъ онъ, такъ сказать, самъ собою. Ѣды у камчадала много и помимо молока и скотскаго мяса; онъ имѣетъ рыбу, мясо добываемыхъ горныхъ барановъ, медвѣдей, утокъ, гусей, лебедей и проч.

Такимъ образомъ, скотъ не составляя едиственнаго источника пропитанія и не служа предметомъ торговли, за полнымъ отсутствіемъ спроса на мясо и молочные скопы, если не считать ничтожную потребность судовъ и 300 душъ населенія Петропавловловска, естественно не пользуется особымъ уходомъ. Втеченіе круглаго года коровы находятся на открытомъ воздухѣ и случаи замерзанія телятъ весьма часты. Не смотря, однако, на это, все же скота въ Камчаткѣ много и водится онъ здѣсь очень хорошо. Если бы оказалось возможнымъ организовать вывозъ продуктовъ скотоводства, то несомнѣнно, что скотоводство въ Камчаткѣ,

будучи, какъ дающее доходъ, поставлено на болѣе раціональныхъ началахъ, имѣло бы важное значеніе въ дѣлѣ оживленія этого мертваго края. Но я уклонился отъ разсказа.

Перехожу къ школѣ. Помѣщеніе школы, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ ея потребностямъ. Построенное изъ американскаго лѣса, оно представляетъ одну комнату. Всѣ старанія учителя выкроить изъ 10 арш. въ квадратѣ пространства двѣ комнаты, въ которыхъ можно было бы одновременно обучать два отдѣленія, младшее и старшее, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. На эту зиму проектирована перегородка, а на будущую, говоритъ учитель, «можетъ Богъ поможетъ устроиться получше».

Населеніе Петропавловска состоитъ изъ 3-хъ группъ: чиновники, торгующіе и казаки съ мѣщанами.

Казаки и мѣщане живутъ промысломъ рыбы, звѣря, огородами и работой на судахъ. Живутъ не богато, но сыто; если же не встрѣчается среди видѣннаго мною населенія Петропавловска людей съ такъ называемымъ достаткомъ, то тому причиной, какъ я полагаю, торговцы.

Торговля въ Камчаткѣ находится въ рукахъ «Товарищества котиковыхъ промысловъ" и является, главнымъ образомъ, мѣновой, причемъ предметомъ мѣны служитъ шкура соболя, лисицы, выдры, медвѣдя со стороны потребителя и привозные товары со стороны товарищества. Такая торговля даетъ огромныя выгоды компаніи и полный убытокъ покупателю. Къ несчастью, для Камчатки нѣтъ конкуренціи.

Двое торгующихъ въ Петропавловскѣ, хотя и платятъ гильдію, но они, не владѣя капиталами, кредитуясь у компаніи, суть нѣчто иное, какъ компанейскіе прикащики.

А компанія беретъ на свои товары тѣ цѣны, которыя ей вздумается. Такъ, напр., кирпичъ чаю стоитъ въ компаніи, въ зависимости отъ времени года, отъ 60 коп. до 1 руб., то есть, компанія беретъ на наиболѣе ходовомъ товарѣ отъ 200—300—400%.

Кромѣ того, компанейцами практикуется система кредита. Камчадалъ, задолжавшій въ компаніи, впредь до уплаты долга, не имѣетъ права продать добытую имъ пушнину никому кромѣ компаніи. А такъ какъ все населеніе Камчатки, безъ малѣйшаго исключенія, состоитъ должникомъ компаніи, то, поэтому, весь звѣрь, добываемый на всемъ полуостровѣ, поступаетъ въ склады компаніи и экспортируется въ Лондонъ.

Всякая шкурка оцѣнивется на деньги, но деньги никогда не выдаются, и взамѣнъ ихъ промышленникъ за соболя, оцѣненнаго, примѣрно, въ 25 руб., получаетъ товаровъ отнюдь не больше, какъ на 10 руб., считая его по Владивостокской цѣнѣ и набавляя на эту цѣну 30% накладныхъ расходовъ по доставкѣ товара въ Камчатку. Мало того, принесъ промышленникъ соболя, ему надо купить чаю, табаку, муки; потребное количество ему дано, но на стоимость соболя онъ не добралъ. Вотъ, въ компаніи, въ качествѣ сдачи, существуетъ въкомпанейскомъ магазинѣ одеколонъ, духи, помада, консервы и прочіе, совершенно не нужные промышленнику предмѣты. Духи, впрочемъ, сильно распространены въ Камчаткѣ. Молодой камчадалъ или камчадалка, смазавъ нерпичьимъ жиромъ волосы, считаютъ необходимымъ спрыснуть свой костюмъ одеколономъ или духами. Пойти въ церковь, на „вечорку", или въ гости, не надушившись, считается въ Петропавловскѣ неприличнымъ. Какъ на крайне желательную мѣру, имѣющую поднять экономическое состояніе Камчатки, указываютъ на запрещеніе торгующимъ мѣновой торговли, по крайней мѣрѣ въ Петропавловскѣ. Окружный начальникъ, Петръ Александровичъ Ошурковъ, и нѣкоторые изъ интеллигенціи Петропавловска, какъ напр., докторъ В. Н. Тюшевъ, говорятъ, что если бы потребовать отъ «компаніи котиковыхъ промысловъ», тотчасъ по оцѣнкѣ пушнины, выдачу денегъ, то это 1) избавило бы промышленниковъ отъ необходимости брать то, что ему не надо и 2) дало бы возможность развиться свободной конкуренціи, которая, въ лицѣ двухъ китайцевъ, уже положила здѣсь свое начало.

Съ весны прошлаго года въ Петропавловскѣ появилась китайская лавченка. Но дѣла этой лавченки идутъ плохо, ибо пушнину, согласно обязательства, несутъ въ компанію, а денегъ у населенія нѣтъ и китайцы, какъ говорится, «сидятъ безъ почина».

Если бы компанію обязали хоть часть уплачивать деньгами, то многіе товары пріобрѣтались бы у китайцевъ, гдѣ цѣна на нихъ вдвое дешевле компанейской.

Лица, многіе годы прожившія въ Камчаткѣ, полагаютъ, что развитіе здѣсь какого либо промысла, урегулированіе торговли, а главное, начинающаяся въ Камчаткѣ грамота, могутъ служить причиною оживленія этой захирѣвшей, въ силу историческихъ обстоятельствъ, страны. Природа, во всякомъ случаѣ, щедро надѣлила Камчатку. Даже при такихъ, совершенно не-

благопріятныхъ для нея условіяхъ, всѣ живущіе въ Камчаткѣ довольны своею жизнью. Абсолютнаго бѣдняка въ Камчаткѣ нѣтъ и не можетъ быть. Два дня работы во время хода рыбы и недѣля во время ея просушки обезпечиваютъ годовое продовольствіе камчадала. Нѣсколько дней охоты на перелетную птицу, на горнаго барана, водящагося въ Камчаткѣ въ изобиліи, въ значительномъ количествѣ разнообразятъ рыбный запасъ. А сколько нибудь удачный промыселъ соболя, лисицы и др. звѣря даетъ возможность достать чаю, сахару, спирту и даже духовъ. Но это даетъ охота, промыселъ первобытнаго человѣка; если же къ охотѣ прибавить трудъ культурнаго человѣка, выражающійся въ скотоводствѣ, добываніи полезныхъ ископаемыхъ, каковыхъ въ Камчаткѣ множество, а частью и въ земледѣліи, которое, какъ доказываютъ опыты агронома Кегеля *), возможно почти во всей Камчаткѣ, а по долинѣ р. Камчатки возможность и польза хлѣбопашества признана самымъ населеніемъ, то можно придти къ выводу, что страна, дающая человѣку столько средствъ къ существованію, не должна остаться безъ вниманія предпріимчивыхъ людей, что, частью, мы уже нынѣ и видимъ.

Существуетъ мнѣніе, что камчатское населеніе живетъ въ страшной нищетѣ и бѣдности; осмѣливаюсь высказать, что это нѣсколько не такъ. Былъ я, напр., въ дер. Сѣроглазкѣ, отстоящей въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петропавловска. Деревня состоитъ изъ 15 домовъ и, по своему расположенію, напоминаетъ великороссійскую деревню. Постройки состоятъ изъ избъ, амбаровъ и бань. Избы, въ зависимости отъ величины семьи, сдѣланы въ два или въ одинъ срубъ. Если въ два, то между ними устроены сѣни. Избы маленькія, не болѣе 6—7 арш. длины и ширины и 3 высоты; освѣщены окнами. Всякая хата раздѣлена на 2 половины: одна изъ нихъ съ печью и служитъ кухней, а другая такъ сказать, парадная. Эта вторая половина непремѣнно оклеена обоями, украшена зеркальцемъ, картинками; безукоризненной чистоты полъ покрытъ самодѣльными цыновками изъ крапивы. Въ красномъ углу стоитъ столъ, покрытый чистѣйшей скатертью; на столѣ сложена чайная посуда, покрытая полотенцемъ. Въ красномъ углу, подъ образами, виситъ лампада. Всѣ дома Сѣроглазки имѣютъ такое устройство и такую обстановку.

*) См. нашу статью, помѣщенную въ «Приам. Вѣд.» въ №№ 95, 96, 97 и т. д. по 103-й включительно.

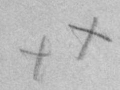
4444

1897

XX

Когда я пришелъ въ Сѣроглазку, то вошелъ въ первую хату. Хозяева только что сѣли за обѣдъ. Считаю нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояла тарелка съ нарѣзанными на ней ломотиками копченаго балыка, передъ каждымъ лежала металлическая ложка и ломтикъ хлѣба. Первое горячее кушанье состояло изъ прекраснѣйшей ухи, сваренной изъ свѣже пойманной чавычи. Послѣ ухи ѣли тушеную, съ картофелемъ утку. Нужно сказать, что утокъ въ Камчаткѣ необыкновенное множество и утка, также какъ и рыба, доступна безусловно всякому камчадалу. Какъ на особенность ѣды камчадала, можно указать, что хлѣбъ у него играетъ, примѣрно, такую же роль при ѣдѣ, какъ сахаръ при чаепитіи. Ѣдятъ, собственно, мясо, рыбу, а хлѣбъ служитъ приправой. А потому, 1—2 пуда муки достаточно для большой семьи на цѣлый мѣсяцъ.

Пока семья обѣдала, хозяйка поставила самоваръ; я былъ приглашенъ въ чистую половину и мнѣ стали подавать чай. Стаканъ чаю подавался на подносѣ, на которомъ, кромѣ сахарницы и молочника со сливками, стояли 2 тарелки: одна съ бѣлымъ хлѣбомъ, а другая съ американскими галетами. Послѣ чаю, мы, въ сопровожденіи хозяина, пошли посмотрѣть его „обзаведеніе". Тутъ же, при домикѣ, воздѣланъ огородъ, на которомъ былъ засаженъ картофель, рѣпа, рѣдька, морковь. По словамъ хозяина, онъ ежегодно выкапываетъ до 300 пудовъ картофеля. Недалеко отъ хаты построенъ шалашъ, въ которомъ коптилась рыба. Шалашъ имѣетъ полуконическую форму. Посреди шалаша разложенъ костеръ изъ гнилушекъ; на тоненькихъ тальниковыхъ прутьяхъ въ нѣсколько рядовъ развѣшены балыки чавычи. Эти балыки, соленые и не соленые, провисѣвъ въ шалашѣ 10 дней, дѣлаются очень вкусны. По берегу бухты, прямо противъ дома, устроены вѣшала для юкалы; въ каждомъ хозяйствѣ, обыкновенно, двѣ вѣшалы: одна, меньшая, для людской юкалы, а другая большая, для собачьей. Юкалы заготовляется множество: столько, сколько нужно для годового запаса; кромѣ юкалы заготовляютъ на зиму еще, такъ называемую, кислую рыбу. Заготовляютъ ее потому, что рыбы ловится такъ много, что приготовить всю добычу для юкалы нѣтъ возможности; а потому излишекъ добычи складываютъ въ ямы, въ которыхъ рыба загниваетъ и въ такомъ видѣ употребляется собаками. Случающіяся въ Камчаткѣ голодовки

происходятъ, главнымъ образомъ, оттого, что вѣшала для рыбы устраиваются непокрытыми. Въ случаѣ ненастья рыба не сохнетъ, а загниваетъ. Въ настоящее время, по строжайшему приказу губернатора Приморской области, мѣстная администрація слѣдитъ за тѣмъ, чтобы вѣшала дѣлались крытыми.

Близъ вѣшалъ привязаны ѣзжалыя собаки. У моего хозяина двѣ нарты, то есть, 25 собакъ. Это даетъ ему возможность заработывать за зиму, за перевозку купеческихъ товаровъ, до 200 руб. Кромѣ извознаго промысла немаловажнымъ подспорьевъ служитъ промыселъ соболя.

Добыча 5 соболей считается средней. Считая камчатскаго соболя по 15 руб., мы имѣемъ, что Пщенниковъ (фамилія моего хозяина), въ теченіе зимы, зарабатываетъ около 300 руб. деньгами. Если принять во вниманіе, что у него имѣется 9 коровъ, изъ коихъ 3 молочныхъ, что продовольствіе у него есть, то нельзя не признать существованіе моего знакомца обезпеченнымъ. Остальные обыватели Сѣроглазки живутъ точно такъ же, какъ и Пшенниковъ. Есть, конечно, нѣкоторая разница въ деталяхъ, но о поражающей нищетѣ нѣтъ и помина. Достаточно придти въ праздникъ въ церковь, чтобы убѣдиться, что нищеты, по крайней мѣрѣ, въ Петропавловскѣ и его окрестностяхъ, нѣтъ. Нужно замѣтить, что церковь въ праздничные дни полна. 16-го іюля, въ воскресенье, я былъ у обѣдни. Было не менѣе 200 чловѣкъ, считая команду матросовъ съ „Якута". Обращаетъ на себя вниманіе щеголеватость одежды. Женщины въ башмакахъ варшавской работы, на головѣ шелковые платки; платья чистенькія, большинство, шерстяныя. Мужчины также одѣты очень хорошо.

Одѣяніе петропавловцевъ и окрестныхъ деревень городское. Объясняю это тѣмъ, что Петропавловскъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, посѣщается иностранными судами. Въ числѣ товаровъ сюда завозятъ европейское платье, которое, будучи, сравнительно, дешево, нашло себѣ распространеніе среди камчатскаго населенія.

Такимъ образомъ, видѣнное мною привело меня къ полному убѣжденію, что живется камчалалу не такъ ужъ плохо, какъ о томъ случается читать. По словамъ же людей, изъѣздившихъ всю Камчатку, населеніе, живущее внутри полуострова, живетъ съ большимъ достаткомъ, какъ петропавловцы и ихъ сосѣди. Тамъ, во многихъ мѣстахъ сѣютъ и собираютъ хлѣбъ и живутъ, благословляя свою судьбу. Правда, что г. Петропавловскъ,

на первый взглядъ, производитъ грустное впечатлѣніе: постройки очень маленькія и многія изъ нихъ очень ветхи. Но происходитъ это потому, собственно, что въ Камчаткѣ ни плотниковъ, ни столяровъ нѣтъ и вопросъ о постройкѣ новаго дома и о капитальномъ ремонтѣ стараго, за отсутствіемъ мастеровъ, откладывается изъ года въ годъ. Строятъ новый домъ тогда, когда старый буквально разваливается.

Но я уже сказалъ, что это обстоятельство принято къ свѣдѣнію и приняты вполнѣ раціональныя мѣры къ исправленію этого недостатка (разумое обученіе школьниковъ столярному ремеслу).

За все время моего пребыванія въ Камчаткѣ стояла прекрасная погода и это время оставило во мнѣ самыя лучшія воспоминанія, подробности которыхъ, какъ характеризующія, по моему мнѣнію, житье-бытье въ такой далекой и своеобразной странѣ, какъ Камчатка, составятъ предметъ самостоятельней статьи, которая будетъ, въ скоромъ времени, передана мною въ редакцію „Приамурскихъ Вѣдомостей“.

ГЛАВА II.

От Петропавловска до устья рѣки Анадыри. Краткій очеркъ исторіи Чукотской земли и ея физическихъ свойствъ.

Въ передній путь мы простояли въ Петропавловскѣ $5^1/_2$ дней. 19 іюля, въ 9 часовъ утра, мы снялись съ якоря. Путь отъ Петропавловска до устья Анадыра былъ болѣе благопріятенъ, чѣмъ путь отъ Владивостока до Камчатки. Туманы были, но не продолжались непрерывно болѣе 10—12 часовъ. Это плаваніе замѣчательно тѣмъ, что пройдя параллель Командорскихъ о-вовъ, послѣдняго пункта, обитаемаго культурнымъ человѣкомъ, чувствуешь свою полную изолированность отъ всего міра. Здѣсь уже трудно увидѣть дымокъ встрѣчнаго парохода. Бывали, говорятъ, времена, когда пустынныя воды сѣверо-восточнаго побережья Азіи, начиная отъ мыса Кроноцкаго, были оживлены цѣлыми флотиліями китобойныхъ американскихъ шхунъ. Но времена эти, видимо, прошли. Звѣрь оскудѣлъ, барыши отъ китобойнаго промысла сдѣлались меньше и американцы не посѣщаютъ уже такъ охотно береговъ Камчатки. Мы, по крайней мѣрѣ, не встрѣтили ни одного судна и за все наше плаваніе отъ Камчатки до Анадыра не встрѣтили ничего, напоминающаго собою присутствіе человѣка. Морскія чайки, утки, да изрѣдка киты и нерпы оживляли однообразную картину волнующагося моря. Китовъ, впрочемъ, мы видѣли мало, не болѣе 15 штукъ, но за то 2-хъ китовъ я видѣлъ у самаго борта парохода.

Не могу объяснить причину, почему они очутились у борта, но фактъ тотъ, что два кита, вынырнувъ неожиданно для насъ у кормы парохода, нѣкоторое время, минуты 3, плыли рядомъ съ пароходомъ, держась на поверхности воды такъ, что

средняя часть тѣла, примѣрно сажени 4, была видна и будь у кого нибудь изъ насъ гарпунъ, оба кита могли бы быть пойманы. Моряки очень сожалѣли, что они, отправляясь въ сѣверныя моря, не захватили съ собою, на всякій случай, китобойныхъ принадлежностей. Другихъ китовъ мы видѣли въ большемъ или меньшемъ отдаленіи. Чѣмъ ближе подходилъ нашъ пароходъ къ Анадырскому заливу, тѣмъ болѣе чувствовался холодъ. Выходя на палубу, уже нужно было одѣвать пальто, а на вахту становились въ теплой одеждѣ.

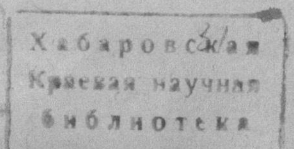
Подходя къ Анадыру, мы застали конецъ полярныхъ бѣлыхъ ночей. Странное впечатлѣніе производятъ эти ночи! Солнце уже давно закатилось; часы показываютъ 10 вечера, а свѣтло какъ днемъ, свѣтло такъ, что даже въ каютѣ, безъ всякаго огня, можно читать. Туземцы любятъ свои лѣтнія свѣтлыя ночи и говорятъ о нихъ съ восторгомъ, какъ о лучшей красѣ ихъ страны. Но на меня, непривычнаго, эти ночи дѣйствовали дурно. Непрерывный свѣтъ, продолжающійся въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, производитъ не особенно пріятное впечатлѣніе. Сбиваешься съ толку и не знаешь, когда ложиться спать, когда вставать. Но свѣтлыя ночи по достоинству оцѣниваются моряками. Подходя къ Анадыру, пароходъ идетъ вдоль берега; а берегъ этотъ усѣянъ камнями; даже простымъ глазомъ видны торчащія изъ воды верхушки камней, обдаваемыя брызгами разбивающихся волнъ. Плаваніе близъ берега, огражденнаго камнями, почитается мореходами самымъ опаснымъ. Чѣмъ ближе подходитъ пароходъ къ полярному кругу, тѣмъ склоненіе магнитной стрѣлки больше и тѣмъ внимательнѣе слѣдитъ капитанъ за показаніемъ компаса и тѣмъ чаще производитъ вычисленія. Послѣдніе двое сутокъ нашего плаванія прошли безъ тумана; простымъ глазомъ видѣнъ берегъ, безъ всякихъ слѣдовъ растительности. Лишь у подошвы горъ кое гдѣ зеленѣетъ травка. Горы и ихъ долины покрыты снѣгомъ и этотъ снѣгъ, какъ говорятъ, никогда не растаиваетъ.

24-го іюля, въ 11 час. утра, на горизонтѣ показалась гора св. Діонисія, находящаяся на высотѣ Анадырскаго лимана. До устья Анадыра, конечной цѣли плаванія, осталось 2 часа.

Не доходя 15 верстъ до устья Анадыра, прямо противъ него возвышается скалистый островъ, имѣющій поразительное сходство съ гробомъ. Этотъ о-въ, величиною до 5 кв. верстъ и высотою до 200 футовъ, называется англичанами „Sarkophahus“

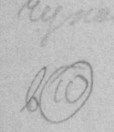
и есть своего рода „memento mori“ путешественнику, вступающему въ рѣку Анадыръ. Пройдя о-въ, уже простыми глазами различаются нѣсколько чукотскихъ юртъ на берегу и огромный русскій флагъ, развивающійся надъ какимъ то безформенным зеленымъ холмомъ. Этотъ безформенный, издали, холмъ есть зданіе, въ которомъ помѣщается Анадырское окружное полицейское управленіе. Чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ Анадыру, тѣмъ больше замѣтна была та суматоха, которая происходила на берегу. Прибытіе парохода есть событіе, отъ котораго обыватели Маріинскаго поста, находящагося на устьѣ Анадыра, ведутъ времяисчисленіе. Казенный пароходъ есть единственное звено, связующее анадырскій людъ съ внѣшнимъ міромъ. Мы вошли въ рѣку Анадыръ 23 іюня, въ 3 часа дня. Видно было, какъ давнымъ давно стояла на берегу группа людей, одѣтыхъ въ форму. Эта группа состояла изъ 11 человѣкъ: начальника Анадырской округи Н. Л. Гондатти, его помощника и 9 человѣкъ казаковъ. Со всѣми предосторожностями опытнаго моряка велъ командиръ пароходъ къ мѣсту, обозначенному на картѣ якоремъ. Лишь только мы вошли въ рѣку, какъ было приказано убавить ходъ; но приказаніе это потребовалось отмѣнить. Было время отлива, а въ это время и безъ того быстрое теченіе рѣки усиливается отъ 12—14 верстъ въ часъ. Когда былъ данъ половинный ходъ, то наше судно не только не подвигалось впередъ, но теченіемъ понесло его обратно въ море. Половинный ходъ смѣнили на полный и лишь тогда получилась возможность поставить пароходъ на желаемое мѣсто и бросить якорь. Лишь только загремѣла цѣпь отдаваемаго якоря, какъ группа, стоявшая на берегу, сѣла въ шлюпку и отвалила отъ берега. Мы остановились, примѣрно, въ 100 саж. отъ берега.

Казалось бы, что 8 гребцовъ, которые сѣли на весла, выгребутъ къ пароходу въ 5—10 минутъ. Но это такъ казалось. На самомъ же дѣлѣ на проѣздъ въ лодкѣ 100 саж., отдѣлявшихъ пароходъ отъ берега, потребовалось болѣе часу времени. Прежде чѣмъ взять направленіе на пароходъ, шлюпка плыла вдоль берега, вверхъ по рѣкѣ, и, проплывши не менѣе версты вверхъ, направилась къ пароходу. Быстрота теченія такъ велика, что вода рѣки, разбиваясь о носъ парохода, журчитъ, точно ручей. Но вотъ Гондатти подплываетъ на шлюпкѣ къ пароходу; нужно бы бросить съ борта веревку, но сдѣлать этого не догадались, а потому шлюпка была отнесена те-

ченіемъ, не приставъ къ пароходу. Выгребли на берегъ, повторили ту же процедуру, заводя лодку вверхъ по рѣкѣ.

Когда шлюпка съ Гондатти и казаками приблизились къ борту вторично, то были брошены сразу двѣ веревки; ухватившись за веревки, 4 дюжихъ казака не безъ труда подтащили шлюпку къ трапу и Гондатти взошелъ на пароходъ. Я никогда не видалъ Гондатти. Слышалъ, что онъ человѣкъ молодой, полный силъ и здоровья. Поэтому я былъ не мало удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою человѣка съ сильною просѣдью въ головѣ, съ морщинистымъ землистаго цвѣта лицомъ; меня поразило также, что Гондатти, пройдя нѣсколько ступенекъ трапа, такъ запыхался, что почти не могъ говорить. Но дивиться нечему: Гондатти провелъ на Анадырѣ 2 года, а прожить на Анадырѣ 2 года и не потерять здоровья—едвали возможно.

Впрочемъ, попытаюсь описать условія Чукотской земли. Край, орошаемый рѣкою Анадыръ, извѣстенъ русскимъ съ конца первой половины XVII вѣка. Казаки, открывшіе и завоевавшіе Анадыръ подъ власть Бѣлаго Царя, вывозили оттуда много моржевой, мамонтовой кости и пушнины. До 1785 года объ этомъ краѣ не было никакихъ свѣдѣній. Но снаряженная въ этомъ году, по указу Екатерины II, экспедиція капитана Биллингса, познакомила науку съ характеромъ чукотской земли и, частью, съ ея населеніемъ.

Лучшія свѣдѣнія о Чукотской землѣ далъ лейтенантъ Врангель, совершившій свою экспедицію въ 1822 году и, наконецъ, баронъ Майдель. Исторію Чукотской земли можно резюмировать такъ. Казаки, открывшіе эту землю, будучи, по выраженію Миллера, землеискателями по преимуществу, воюя съ чукчами и объясачивая ихъ, шли впередъ. Но идти на востокъ было некуда, ибо они дошли до берега океана. Повернувъ къ югу, они дошли до Камчатки и въ этомъ году исполнилось ровно 200 лѣтъ, какъ казаки, пришедшіе въ Камчатку, найдя ее землею вполнѣ удовлетворявшей ихъ требованіямъ, водворились тамъ на постоянное жительство. Въ Анадырскомъ же краѣ, представлявшемъ болѣе суровыя климатическія условія и населенномъ къ тому же чукчами, племенемъ сильнымъ и воинственнымъ, осталась небольшая горсточка русскихъ, жившихъ сначала въ Анадырскомъ острогѣ, а затѣмъ переселившаяся въ верховья Анадыра, какъ представлявшія болѣе жизненныхъ удобствъ. Къ концу первой половины XVIII вѣка кровавыя войны рус-

скихъ съ чукчами закончились; тѣ и другіе другъ друга узнали, да повода къ войнѣ не было: простору въ Анадырскомъ краѣ такъ много, что какъ пришельцы русскіе, такъ и аборигены страны, чукчи, переставъ враждовать, нашли себѣ мѣста, гдѣ, не мѣшая другъ другу, могли жить такъ, какъ кому хотѣлось. Русскіе же предприниматели, послѣ покоренія Камчатки, стремились не на Анадырь-рѣку, а въ Камчатку. Такимъ образомъ, къ концу XVIII и началу XIX-го вѣка русскіе почти не знали о существованіи края, завоеваннаго когда то казаками. Между тѣмъ, XIX вѣкъ ознаменовывается занятіемъ западнаго берега Америки и развитіемъ тамъ торговаго судоходства. Наши заокеанскіе сосѣди, плавая по Берингову морю, обратили свое вниманіе на огромныя стада китовъ, два раза въ году совершающія свои періодическія передвиженія изъ водъ Ледовитаго океана въ воды Тихаго и обратно. Обратили они вниманія и на то, что по берегу Чукотской земли, на о-вахъ и отмеляхъ, водятся моржи и въ такомъ количествѣ, что цѣлые острова, по нѣсколько верстъ въ окружности, были сплошь покрываемы лежащимъ звѣремъ. Начался промыселъ моржей и промыселъ китовъ.

Множество американскихъ шхунъ посѣщали наши берега. По разсказамъ стариковъ чукчей, бывали такіе годы, что нѣсколько десятковъ американскихъ шхунъ успѣвали, за короткое полярное лѣто, нагружаться моржевыми клыками и китовымъ усомъ. Большую пользу извлекали американцы отъ эксплоатаціи нашихъ водъ; но одновременно съ этимъ начали сказываться и результаты хозяйничанья американцевъ. Звѣрь изъ года въ годъ оскудѣвалъ и посѣщенія американцевъ, въ зависимости отъ этого, сдѣлались рѣже. Американцы, пріѣзжая за добычей звѣря, привозили, между прочимъ, и товары. Товары, попадая въ руки носовыхъ чукчей, во время зимы, развозились ими къ чукчамъ, обитающимъ внутри страны. Съ уменьшеніемъ китобойнаго и моржевого промысловъ, уменьшился и привозъ товаровъ, хотя потребность въ нихъ съ каждымъ годомъ увеличивалась.

Словомъ сказать, къ 80-мъ годамъ этого столѣтія положеніе дѣлъ было таково: страна, считающаяся во владѣніяхъ Русскаго Государя, населенная десяти-тысячнымъ племенемъ чукчей, почти не слышала имени русскаго. На побережьи Чукотской земли развивался американскій флагъ; многіе чукчи успѣли побывать въ С.-Франциско и весьма многіе объяснялись по англій-

ски. Такой порядокъ вещей былъ признанъ ненормальнымъ. Было признано также, что гижигинская администрація, въ вѣдѣніи которой находилась и чукотская земля, не можетъ сдѣлать что либо для нея, за огромною дальностью разстоянія. Вслѣдствіе этого, въ 1889 году Чукотская земля составила особую административную единицу, получившую названіе Анадырской округи. Первымъ начальникомъ былъ назначенъ д-ръ Гриневецкій. Онъ скоро сдѣлался жертвою анадырскаго климата и на его мѣсто былъ назначенъ ученый секретарь императорскаго общества антропологіи, этнографіи и естествознанія при московскимъ университетѣ Николай Львовичъ Гондатти.

Страна, въ которую пріѣхалъ служить молодой ученый, находясь большей своей половиной за полярнымъ кругомъ, сурова. Необозримыя тундры Анадырскаго края, простирающіяся на тысячи верстъ, безлѣсны и безплодны. Покрытыя 8 мѣсяцевъ въ году глубокими снѣгами, онѣ могутъ быть обитаемы лишь оленемъ, который находитъ въ тундрѣ въ изобиліи свою единственную пищу—мохъ ягель.

Зима въ Анадырскомъ краѣ начинается съ сентября и продолжается по первыя числа мая мѣсяца. Эта продолжительная зима сопровождается морозами, доходящими до 60° С и пургами, продолжающимися по нѣсколько недѣль сряду. Трудно, говорятъ, выносить анадырскій морозъ, но еще труднѣе выносить пургу, сопровождаемую леденящими вѣтрами Сѣвернаго океана. Эти пурги, при которыхъ, говорятъ очевидцы, буквально не видно божьяго свѣта, заметаютъ всю тундру огромнымъ, до 5 арш., слоемъ снѣга. По словамъ очевидцевъ, по мѣрѣ наступленія холодовъ, дичь подвигается къ югу, а слѣдомъ затѣмъ идутъ волки, медвѣди, песцы. Къ январю мѣсяцу все живое покидаетъ тундру и она мертвѣетъ.

Но лишь вешнее апрѣльское солнышко начало пригрѣвать землю, лишь появились тамъ и сямъ чернѣющія проталины, какъ тундра вновь оживаетъ.

Идутъ на сѣверъ несмѣтными стадами олени, потянулись перелетныя птицы и могильная тишина тундры наполняется шумомъ и гамомъ птицъ, гнѣздящихся въ ея нѣдрахъ въ неисчислимомъ множествѣ.

Лѣто въ Анадырскомъ краѣ продолжается, собственно говоря, 2½ мѣсяца, съ 1 іюля до половины августа. Это короткое

лѣто успѣваетъ согнать снѣжный покровъ съ поверхности земли и оттаять ее, замерзшую какъ кремень, на 4—5 верш. Глубже 5 верш. вся тундра Анадырскаго края представляетъ никогда неоттаивающій пластъ земли.

При такихъ условіяхъ, по всему сѣверному побережью, почти до селенія Маркова, растительность тощая, а о деревѣ нѣтъ и помину. Вслѣдствіе этого, обитатели Чукотской земли ищутъ пропитанья не въ землѣ, а въ промыслѣ рыбы и звѣря.

ГЛАВА III.

Населеніе Чукотской земли и его промыслы.

Это населеніе, числомъ до 12 т. душъ обоего пола, состоитъ: изъ русскихъ до 300 душъ, чуванцевъ, юкагиръ и ламутъ, совершенно обрусѣвшихъ и даже забывшихъ языкъ своихъ предковъ, числомъ до 500 душъ, и племени чукчей до 10 съ небольшимъ тысячъ.

Русскіе обитаютъ въ с. Марковѣ и близъ него. Марковцы, это потомки первыхъ завоевателей Анадырскаго края, казаковъ, оставшихся здѣсь на постоянное жительство. Сѣверные казаки, вступая въ браки съ инородческими женщинами, имѣли дѣтей съ примѣсью инородческаго типа, который, переходя изъ рода въ родъ, сдѣлалъ марковца трудно отличаемымъ, по лицу, отъ чукчи и другихъ инородцевъ. Но, утративъ русскій типъ, марковецъ вполнѣ сохранилъ языкъ своихъ предковъ, ихъ вѣру и обычаи; сохранилъ онъ старинныя русскія пѣсни, сказки и пословицы. Живя въ теченіе двухъ вѣковъ въ дебряхъ анадырской тундры, не имѣя никакого сообщенія съ матушкой Россіей, зная о ней только по темныхъ слухамъ, марковецъ поетъ тѣ же пѣсни, которыя поетъ весь русскій народъ. Живя въ постоянной борьбѣ съ чрезвычайно тяжелыми условіями природы, марковецъ выработалъ себѣ энергію, не поддающуюся описанію, выработалъ выносливость, возбуждающую удивленіе.

По условіямъ природы Анадырскаго края, марковецъ, какъ и все вообще населеніе Чукотской земли, имѣетъ основнымъ источникомъ своего существованія промыселъ рыбы и звѣря. Второе мѣсто, по значенію, занимаетъ извозный промыселъ и третье—кустарный.

Перейду къ краткому описанію этихъ промысловъ, причемъ долгомъ считаю замѣтить, что русскіе промышляютъ рыбу и ловятъ звѣря совершенно такъ же, какъ и чукчи. А потому я буду говорить о промыслахъ вообще. Первое мѣсто въ экономической жизни осѣдлаго населенія Анадырской округи, какъ выше я замѣтилъ, занимаетъ промыселъ рыбы.

Промышляемая рыба раздѣляется на два сорта: на ходовую и постоянную. Къ числу ходовой рыбы относятся лососевыя породы, а къ числу постоянной обыкновенная порода рѣчныхъ рыбъ, такъ называемая, бѣлая. Ходъ красной рыбы начинается съ половины іюля, а иногда и раньше. Ходъ красной рыбы ожидается съ большимъ нетерпѣніемъ всѣмъ населеніемъ, такъ какъ отъ удачнаго промысла этой рыбы зависитъ годовое безбѣдное существованіе населенія. Лишь попалась въ какую либо сѣтку красная рыба, какъ по всей тундрѣ пошелъ говоръ: «красная рыба пошла», и всѣ, отъ мала до велика, принимаются за неводьбу.

Промыселъ производится на мѣстахъ удобныхъ для закладки и выемки сѣтей. Тутъ же устраиваются и вѣшала. На Анадырѣ, по случаю дороговизны соли, рыба заготовляется безъ соли. Засаливаютъ рыбу лишь люди съ достаткомъ и соленая рыба считается лакомствомъ. Рыба, пойманная до 9-го августа, когда еще выпадаютъ теплые деньки, приготовляется такъ. Вынувъ изъ воды сѣтку и выбросивъ рыбу на берегъ, берутъ длинную палку, на которую навязываютъ за жабры до 8 штукъ рыбъ; середина палки остается свободною отъ рыбы и кладется на плечо работника, который несетъ рыбу къ вѣшаламъ, подобно какъ на коромыслѣ. У вѣшалъ, на какомъ либо мѣстѣ, земля засыпана травой или мохомъ, на которомъ и складываютъ пойманную рыбу. Раздѣлкой рыбы занимаются женщины. Раздѣлка состоитъ въ томъ, что, вырѣзавъ жабры, выбросивъ внутренности, разрѣзаютъ рыбу вдоль спиннаго хребта на двѣ пластины. Кость, съ нѣкоторою частью мяса, совсѣмъ выдѣляется отъ рыбы. Кость вѣшается отдѣльно и предназначается для корма только собакъ, а 2 пластины, соединяемыя головой, будучи высушены, поступаютъ для корма и людей, и собакъ.

Если во время хода рыбы погода стоитъ хорошая, то двухъ недѣль совершенно достаточно для того, чтобы заготовить годовое продовольствіе, потребность котораго опредѣляется такъ первая забота промышленниковъ заготовить рыбы столько,

чтобы собаки были обезпечены. Каждая средняя семья имѣетъ нарту. Нарта считается въ 12 собакъ. На каждую собаку, при отличномъ питанiи и при тяжелой работѣ, напр., въ дорогѣ, полагается въ день одна юкала и одна кость. Кормятъ собакъ отъ 8½—9½ мѣсяцевъ, въ зависимости отъ количества улова и времени наступленiя весны и осени. При этомъ разсчетѣ на нарту требуется до 3000 штукъ рыбъ. На семью же, считая ее въ 6 душъ, принимая во вниманiе добываемую зимою свѣжую рыбу, мясо оленей, а иногда и птицъ, требуется до 1000 рыбъ. Такимъ образомъ, для семьи изъ 6 душъ, требуется 4000 рыбъ. При хорошей погодѣ заготовить это количество легко; но случается, что во время хода рыбы пойдутъ дожди, рѣка выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ, такъ называемые, лѣтники, гдѣ производится промыселъ рыбы. Вышедшая изъ береговъ рѣка широко разливается по тундрѣ, такъ что найти мѣста, удобныя для лова рыбы, дѣлается невозможнымъ. Если же дожди и не настолько сильны, чтобы вызвать наводненiе, то во всякомъ случаѣ развѣшанная рыба, попадая подъ дождь, слизнетъ, загниваетъ и сама собою падаетъ съ вѣшалъ. Вслѣдствiе этого, промышляя рыбу, при всякой возможности, стараются заготовить ее сколь возможно больше, ибо удачные годы смѣняются иногда 2—3 неудачными. Съ 15-го августа на Анадырѣ начинаются утреннiе заморозки, а къ концу этого мѣсяца дѣлается уже настолько холодно, что промышляемая съ этого времени рыба не просушивается, а замораживается. Замороженная рыба не имѣетъ, впрочемъ, такого значенiя, какъ просушенная, ибо, вслѣдствiе своей тяжести, не можетъ служить дорожнымъ кормомъ собакъ.

Кромѣ красной рыбы, какъ я выше сказалъ, на р. Анадырѣ, круглый годъ промышляеся бѣлая рыба. Пойманная лѣтомъ, она просушивается и составляетъ, такъ называемую, бѣлую юкалу, считающуюся лакомствомъ, а пойманная зимою употребляется въ свѣжемъ видѣ. Зимою, въ дни особенно сильныхъ морозовъ, рыба не попадается. Но лишь наступила малѣйшая оттепель, какъ рыба ловится вновь. На случай хорошаго улова красной рыбы, зимнiй ловъ производится изрѣдка, лишь для того, чтобы смѣнить надоѣвшую юкалу свѣжинкой. Но если промыселъ былъ плохъ, то ловятъ рыбу зимою, чтобы избѣжать голода.

После рыбнаго промысла второе мѣсто, по значенiю, имѣ-

етъ промыселъ звѣря и, въ частности, промыселъ оленя. Промыселъ оленя имѣетъ очень важное значеніе для всего края.

Оленей въ Анадырскомъ краѣ множество. Оленьи стада два раза въ году, весною и осенью, совершаютъ переходы съ сѣвера на югъ и обратно. Идетъ олень несмѣтнымъ количествомъ и идетъ всегда почти по однимъ и тѣмъ же путямъ и всегда почти въ одно и то же время. Весенній ходъ оленя открываютъ тельныя самки, важенки. Онѣ идутъ, когда рѣки еще не тронулись; идутъ онѣ съ юга на сѣверъ потому, что тамъ, въ лѣтніе мѣсяцы, поближе къ океану, больше удобствъ для ихъ будущаго потомства: тамъ нѣтъ такого количества комара и прочаго гнуса, который господствуетъ въ южныхъ тундрахъ. По словамъ очевидцевъ, если важенка, до тельбы, по какимъ либо причинамъ не успѣетъ перебраться черезъ рѣку Анадыръ, то стадо остается лѣтовать на этомъ, южномъ берегу рѣки. Но почти одновременно съ появленіемъ теленка появляются оводы, слѣпни и прочій гнусъ. Молодая нѣжная кожа теленка вся покрывается гнусомъ, который, прокусивъ кожу, тутъ же кладетъ свои личинки. Бѣдное животное подвергается страшнымъ мученіямъ, не можетъ ѣсть и, обыкновенно, черезъ нѣсколько дней послѣ появленія гнуса пропадаетъ. Я видѣлъ кожу молодого теленка, добытаго лѣтомъ въ южной тундрѣ. Если посмотрѣть на нее на свѣтъ, то она очень похожа на рѣшето. Важенки, поэтому, идутъ на сѣверъ заблаговременно, самцы же идутъ тотчасъ по вскрытіи рѣки. Обратный ходъ совершается всѣми вмѣстѣ, начинаясь 6-го августа, иногда нѣсколькими днями ранѣе, иногда позже. Весеннихъ важенокъ никогда не бьютъ. Охота производится: весенняя на самцовъ и осенняя на все стадо. Главное значеніе имѣетъ осенняя охота. Какъ весенняя, такъ и осенняя охота на оленя производится во время переправы его черезъ рѣки. За нѣсколько дней до начала хода, на мѣста, гдѣ олень, обыкновенно, переправляется, на байдарахъ и баркасахъ съѣзжаются промышленники. Олень идетъ не сплошнымъ стадомъ, а стадами большей или меньшей величины. Ожидаютъ оленя на берегу, съ котораго онъ идетъ. Лишь только стадо вошло въ рѣку и отплыло отъ берега на нѣсколько саженъ, какъ промышленники, на маленькихъ лодкахъ, называемыхъ «вѣтками» и «байдарами», врываются въ стадо и копьемъ, придѣланнымъ къ веслу, начинаютъ колоть плывущаго оленя. Ловкость промышленниковъ изумительна: сидя на крайне неустойчивомъ суденышкѣ, ежеминутно рискуя

быть опрокинутыми, они колятъ оленя прямо въ сердце.

Убитый олень не тонетъ, а всплывая, плыветъ по теченію. Въ то время, какъ одна партія бьетъ оленя, другая, въ 2—3 верстахъ, занята ловомъ плывущихъ убитыхъ оленей. Если стадо большое, то мѣриломъ добычи служитъ время, которое необходимо для того, чтобы было возможно поймать всѣ убитыя туши. Больше того, сколько можно поймать, не бьютъ. Охота на оленя принадлежитъ къ числу опасныхъ. Суденышки, на которыхъ сидятъ охотники, до того утлы, что достаточно малѣйшаго толчка рогомъ оленя, чтобы они опрокинулись. Опрокинутая „вѣтка" еще даетъ возможность выкарабкаться, если, впрочемъ, охотникъ успѣетъ схватиться за нее руками *). Но если ему не удалось этого сдѣлать, то гибель его неизбѣжна, такъ какъ анадырцы не умѣютъ плавать. Опрокинутая же байдарка, не давая, по своему устройству, возможности освободить ноги, играетъ роль пузыря, который ни въ какомъ случаѣ не позволитъ охотнику вынуть голову изъ воды. Охота на оленя никогда не обходится безъ жертвъ, но она такъ заманчива, по своей выгодѣ, что русскіе и чукчи, изъ года въ годъ принося въ жертву этой охотѣ одного изъ своихъ родичей, все таки никогда не упускаютъ хода оленя. Въ прошломъ году добыто оленя на р. Анадырь 2000 шт.

Кромѣ охоты на оленя, во время его переправы черезъ рѣку, существуетъ охота на него и въ горахъ, съ ружьемъ, но эта охота имѣетъ частное значеніе и количество добычи ничтожно. Мясо добытаго оленя употребляется въ пищу, шкура на одежду. Послѣ оленя слѣдующее мѣсто занимаетъ промыселъ пушного звѣря.

Въ Анадырскомъ краѣ водятся слѣдующіе звѣри: сухопутные—медвѣдь бурый и бѣлый, волкъ, песецъ, лисица черно-бурая и красная, сиводушка, заяцъ, бѣлка, горностай, овражекъ и россомаха. Морскіе: китъ, моржъ, бѣлуга, нерпа и лахтакъ. Охота за сухопутнымъ звѣремъ производится зимою, такъ какъ шкура его имѣетъ въ это время наибольшую цѣну. Впрочемъ, медвѣдя, волка и россомаху бьютъ при всякой возможности. Медвѣдь и волкъ уничтожаются какъ вредные звѣри, истребляющіе оленьи стада, а часто и рыбные запасы, а россомаху бьютъ потому, что шкура россомахи, считаясь самымъ цѣннымъ укра-

*) «Вѣтка» дѣлается изъ тоненькихъ досокъ; ея вѣсъ не болѣе 15 фунт.; болѣе 1 человѣка она поднять не можетъ.

шеніемъ одежды чукчи, будучи въ постоянномъ спросѣ и высокой цѣнѣ, одинаково хороша, какъ лѣтомъ, такъ и зимой. Бѣлые медвѣди промышляются по берегу Ледовитаго океана, но бываютъ случаи, что бѣлые медвѣди, занесенные на льдинѣ южнѣе Анадырскаго лимана, встрѣчаются, пробирающимися на сѣверъ, даже у Марковой. Гондатти подарилъ мнѣ шкуру бѣлаго медвѣдя, убитаго близъ Маркова; эту шкуру я, съ своей стороны, счелъ долгомъ пожертвовать въ хабаровскій естественно-историческій музей. Кстати замѣтить, что внутри страны, случается, убиваютъ и нерпъ. Если нерпа, въ погонѣ за красной рыбой, зайдетъ далеко вверхъ по рѣкѣ и рѣка станетъ, то она возвращается въ море по совершенно прямой линіи и по сухому пути. Это мнѣ сообщилъ Н. Л. Гондатти. Наибольшее значеніе для Анадырскаго края, по количеству добычи, имѣетъ песецъ и лисица. Песцовъ на Анадырѣ множество. Охота на звѣря производится съ ружьемъ; ружья въ Анадырскомъ краѣ послѣднихъ системъ. Наиболѣе предпочитаюся американскіе винчестера и русскія берданки. Винчестера доставляются американцами носовымъ чукчамъ и этими послѣдними продаются прочимъ жителямъ, берданки же пріобрѣтаются въ казенномъ складѣ въ посту Маріинскомъ. Главное затрудненіе встрѣчаетъ населеніе въ патронахъ. Вслѣдствіе этого патроны расходуются очень бережливо и звѣря предпочитаютъ лучше поймать въ западню, чѣмъ убить его изъ ружья.

Самый распространенный способъ добыванія звѣря—это устройство пастей. Пасть представляетъ изъ себя узкое, въ 1—2 арш., пространство, огороженное съ двухъ сторонъ жердями, до 2—4 арш. длины. Поверхъ такихъ жердей дѣлается плотная кровля, одинъ конецъ которой лежитъ на землѣ, а другой поддерживается, при помощи особаго приспособленія, на высотѣ 1—2 арш. Подъ эту кровлю кладется нажива (кусокъ юкалы, оленьяго мяса или свѣжей рыбы), придѣлываемая такъ, что, при малѣйшемъ движеніи наживы, кровля падаетъ и своею тяжестью придавливаетъ все внутреннее пространство пасти. Для большей тяжести на кровлю накладываются камни. Пасти разставляются, главнымъ образомъ, по берегамъ рѣкъ; нѣкоторые промышленники имѣютъ по 50—100 пастей, которыя разставляютъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Каждое лѣто, обыкновенно передъ ходомъ красной рыбы, эти пасти объѣзжаются на лодкахъ. Лѣтомъ, по случаю обилія корма, въ пасти

попадаетъ мало звѣря; лѣтній объѣздъ пастей имѣетъ цѣлью поставить наживу, исправить случившіяся поврежденія и, вообще, привести пасть въ порядокъ. Съ цѣлью же собрать добычу, объѣзжаются пасти въ октябрѣ и началѣ марта. Наибольшій вредъ разставленнымъ пастямъ приносятъ пурги, которыя ихъ заносятъ совершенно и пасти дѣлаются никуда не годными. Вредятъ пастямъ также медвѣди и россомахи. Медвѣдь, попросту, ломаетъ пасть, а россомаха умѣетъ вытаскивать приманку сбоку, не рискуя быть пойманной. Россомаха считается самымъ умнымъ звѣремъ Чукотской земли; какъ на доказательство ея ума, указываютъ, между прочимъ, на то, что она, не смотря на свои медленныя движенія, все таки ухитряется добывать оленя и зайца. Кромѣ описанной пасти употребляются различнаго рода капканы и ловушки. Въ пасти, капканы и ловушки попадается всякій звѣрь, кромѣ медвѣдя, который добывается исключительно ружейной охотой. Шкуры, добытыя съ пойманныхъ звѣрей, служатъ предметомъ мѣны на различные привозные товары: табакъ, чай, сахаръ, желѣзо, порохъ, свинецъ и проч. Исключеніе составляетъ горностай. Всѣ горностаи, сколько бы ихъ не было поймано, скупаются православнымъ населеніемъ и употребляются ими на покупку свѣчей въ церкви. Марковцы приходятъ въ церковь съ горностаемъ въ рукахъ. Если принесено 2 горностая, то на одинъ покупается восковая свѣчка, а другой кладется на тарелочку, при обходѣ старосты съ колокольчикомъ. Церковные горностаи продаются съ аукціона и цѣна на нихъ доходитъ, какъ, напр., въ прошломъ году, до 25 коп. штука.

Послѣ пушного промысла слѣдующее мѣсто занимаетъ промыселъ птицы: гусей, утокъ, лебедей и куропатокъ. Охота на гусей, утокъ и лебедей производится во время перелета, весною и осенью. Охотятся за птицей съ ружьемъ и ставятъ капканы. Стрѣляютъ дробью, а за недостаткомъ дроби употребляютъ мелко изрубленный свинецъ, мелкую гальку, нарѣзанные кусочки изъ твердаго дерева, а также изъ старыхъ мѣдныхъ чайниковъ и котловъ. Добытая птица употребляется исключительно для ѣды людямъ и собакамъ. На пухъ и перо, какъ гусиное, такъ и лебяжье, къ сожалѣнію, спроса нѣтъ, хотя, въ случаѣ спроса, Анадырскій край могъ бы доставлять огромное количество этого продукта далекаго сѣвера. Начиная съ марта мѣс. и до ледохода промышляютъ куропатокъ. Въ это время куропатки слетаются къ рѣкамъ, гдѣ есть какіе либо кустики, молодые побѣги ко-

торыхъ служатъ имъ пищей. Куропатокъ ловятъ въ пасти, которыя и устраиваются изъ льдинъ. Приманкою служатъ отломанные молодые побѣги деревьевъ. Устроены пасти такъ, что льдина падаетъ тогда, когда куропатокъ набралось въ пасти такъ много, что онѣ начинаютъ драку изъ за вѣтки; усилія нѣсколькихъ паръ куропатокъ достаточны, чтобы пасть прихлопнула всѣхъ собравшихся. Куропатокъ, годами, добывается множество и онѣ служатъ серьезнымъ подспорьемъ къ оскудѣвающимъ рыбнымъ запасамъ. Бывали годы, въ которые куропатка избавляла весь край отъ ужаснаго голода, какъ это было, напр., въ 1889 г. Въ этомъ году, къ марту мѣсяцу, рыбный запасъ истощился; морозы стояли страшные, бѣлая рыба ловилась плохо и населенію грозила большая опасность, но прилетѣвшія стада (бѣлыхъ) куропатокъ выручили изъ бѣды. Промыселъ куропатки, во всякомъ случаѣ, имѣетъ серьезное значеніе для Чукотской земли.

Кромѣ указанныхъ промысловъ, существуетъ еще на Анадырѣ промыселъ морскихъ животныхъ: нерпъ, лахтаковъ, бѣлухъ, а иногда и моржей. Наиболѣе цѣненъ моржъ, но моржей стало мало и они, запуганные американскими хищниками, сдѣлались такъ сторожки, что добыть моржа составляетъ для чукчи трудную задачу. Чукчи, обитающіе по берегамъ моря, всѣ свои усилія направляютъ къ тому, чтобы обзавестись байдарой. Байдара, это огромная лодка, поднимающая до 300—400 пуд.: дѣлается байдара исключительно изъ шкуры моржа. Чукча безъ байдары бѣдствуетъ. Лѣсу по близости моря нѣтъ и, кромѣ какъ изъ моржа, построить лодку не изъ чего, а безъ байдары чукча не можетъ ни съѣздить на промыселъ дикаго оленя, ни объѣхать лѣтомъ разставленныя имъ пасти, ни выѣхать въ море для добычи нерпы и другихъ звѣрей. Между тѣмъ, морской звѣрь для приморскаго чукчи главный источникъ существованія. Если, напр., чукча добудетъ моржа, то его семья на долгое время обезпечена. Чукчи ѣдятъ въ моржѣ все и туша моржа, доходящая до 300—400 пуд. вѣса, надолго обезпечиваетъ чукотскую семью. Промыселъ морскихъ животныхъ, а въ томъ числѣ и моржа, начинается тогда, когда устья рѣкъ очищаются отъ льда. Въ это время звѣрь, обыкновенно, лежитъ на льдинѣ и грѣется на солнцѣ. Охота производится на байдарахъ. Замѣтивъ на льдинѣ звѣря, подплываютъ къ ней съ подвѣтренной стороны. Осторожно приставъ къ льдинѣ, охотники выходятъ

на нее и, ползкомъ, пробираются къ лежащему звѣрю. Приблизившись на 5—8 саженей, чукча бросаетъ въ звѣря копье, устройство котораго таково: на длинную палку прикрѣпляется наконечникъ, дѣлаемый изъ желѣза или изъ моржевой кости. Наконечникъ привязанъ къ ремню изъ нерпы, длина котораго бываетъ до 50 саж. Наконечникъ устроенъ такъ, что лишь только онъ вонзится въ тѣло животнаго, которое, почувствовавъ боль, рванулось, какъ наконечникъ отдѣляется отъ палки и животное, съ засѣвшимъ въ тѣлѣ наконечникомъ, не сдерживаемое ничѣмъ, стремительно бросается къ водѣ. Промышленникъ даетъ раненому звѣрю полную свободу; ремень изъ нерпы раскручивается, а привязанный къ концу ремня пузырь изъ нерпы, оставаясь на поверхности воды, всегда покажетъ звѣря. За пузыремъ слѣдятъ на байдарѣ. Раненый звѣрь не можетъ долго остаться въ водѣ, но лишь только онъ вынырнетъ, какъ получаетъ другой ударъ; два удара обезсиливаютъ звѣря настолько, что его подтягиваютъ къ льдинѣ и здѣсь добиваютъ ударомъ копья въ глазъ. Этотъ ударъ безусловно смертеленъ. Охота на байдарахъ наиболѣе прибыльна. Но охотятся иногда и до наступленія ледохода, съ поворотомъ солнца на весну. Количество добываемаго въ это время звѣря ничтожно, но охота на него любопытна, а потому позволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ.

Нерпы, лахтаки и бѣлухи, приплывя, къ началу весны, къ берегамъ, своимъ дыханіемъ устраиваютъ во льду отдушины, изъ которыхъ, въ ясные солнечные дни, выходятъ на ледъ. Чукчи, на этотъ случай, устраиваютъ себѣ особый костюмъ, состоящій изъ оленьей камлейки, шерстью внутрь, шапки изъ шкуры нерпы и изъ двухъ лоскутовъ шкуры бѣлаго медвѣдя, пришиваемыхъ сбоку и похожихъ на ласты морскихъ животныхъ. Въ рукахъ у охотника палка, къ которой придѣланы нерпичьи когти. Увидѣвъ звѣря, охотникъ, съ разстоянія 300—400 шаговъ, ложится на брюхо и, подражая движеніямъ лахтака или нерпы, издавая характерные гортанные звуки этихъ животныхъ и царапая набитыми на палку когтями ледъ, приближается къ обманутому животному настолько, что можетъ бросить въ него копье. Раненый звѣрь немедленно бросается въ лунку, но длиннымъ нерпичьимъ ремнемъ, привязаннымъ къ крѣпко засѣвшему въ тѣлѣ копью, онъ подтягивается къ лункѣ, получаетъ смертельный ударъ въ глазъ и мертвымъ вытаскивается на ледъ. Бываютъ рѣдкіе случаи, что морскія животныя застигаются промышленниками вдали

отъ воды, какъ говорятъ, «обсохшими»; тогда беззащитныхъ животныхъ убиваютъ чѣмъ попало: палками, копьями, ружейными прикладами.

Если случается застать вдали отъ воды моржа, то онъ, какъ мнѣ говорили, защищается крикомъ; крикъ моржа, громкій и, въ то же время, страшный, по словамъ охотниковъ, такой жалобный, что стараются поскорѣе убить моржа, дабы не слыхать этого крика. Мясо убитыхъ морскихъ животныхъ ѣдятъ: жиръ ѣдятъ и освѣщаютъ имъ юрты, а также пользуются имъ какъ цѣлебнымъ средствомъ при различныхъ недугахъ. Кожа нерпъ и лахтаковъ идетъ на выдѣлку дорожныхъ сумъ, ремней для оленьей и собачьей сбруи и подошвъ къ торосамъ. Шкура моржа ни на какія подѣлки, кромѣ постройки байдаръ, не употребляется.

Остается еще упомянуть, въ нѣсколькихъ словахъ, о китѣ. Киты, хотя въ большей части и истреблены, но все же водятся и нынѣ въ прибрежныхъ водахъ Чукотской земли. Киты могли бы служить источникомъ благосостоянія всей Чукотской земли, но у чукчей и у русскихъ нѣтъ никакихъ приспособленій для промысла этого звѣря, а потому прибрежные чукчи поджидаютъ, когда морскія волны выбросятъ мертваго кита. Если это случится, то всѣ сосѣдніе чукчи празднуютъ это событіе, какъ особое знаменіе вниманія къ нимъ духа моря. Выброшенный китъ обезпечиваетъ годовое продовольствіе нѣсколькихъ десятковъ семействъ, а кости его служатъ предметомъ торга съ оленными чукчами, которые китовыми костями покрываютъ полозья нартъ.

Кромѣ перечисленныхъ промысловъ, въ Анадырскомъ краѣ существуетъ, хотя и въ зачаточномъ состояніи, кузнечный промыселъ и выдѣлка оленьихъ кожъ. Кузнечнымъ промысломъ занимаются марковцы, и ихъ издѣлія, грубыя, но прочныя по преимуществу, пользуются большимъ уваженіемъ чукчей. Ножъ марковской работы чукча предпочитаетъ самому лучшему англійскому и американскому ножу. Какъ кузницы, такъ и инструменты марковскихъ мастеровъ примитивны. Только въ самое послѣднее время выписаны наковальни и хорошіе мѣха, ранѣе же наковальнею служилъ простой камень, а мѣхомъ особый снарядъ домашняго устройства, напоминающій гармонику. Выдѣлка же оленьей кожи, такъ называемой, ровдуги достигла довольно высокой степени совершенства и могла бы

24

найти себѣ значительный сбытъ. Замшевыя перчатки, сдѣланныя въ Марковѣ, только при внимательномъ осмотрѣ изобличаютъ не фабричную работу. Оленьихъ шкуръ на Анадырѣ такое множество, что, при возможности сбыта оленьей замши, можно было бы, со временемъ, обзавестись машинами и, замѣнивъ кропотливый и тяжелый ручной трудъ машиннымъ, производить замшу въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Выдѣлка замши можетъ не только поднять благосостояніе Чукотской земли, но и сдѣлаться источникомъ обогащенія жителей, не исключая и инородцевъ, которые также выдѣлываютъ изъ нея дымленину.

ГЛАВА IV.

Торговля въ Чукотской землѣ.

Все населеніе Чукотской земли раздѣляется на двѣ главныя группы: чукчей оленныхъ и сидячихъ; къ числу сидячихъ можно отнести и всѣ другія народности края. Оленные чукчи, какъ кочующіе, обитаютъ по всей тундрѣ. Ихъ кормитъ и одѣваетъ олень.

Сидячіе чукчи были когда то оленными, но, по разнымъ причинамъ, потерявъ своихъ оленей, какъ говорится, осѣли и занялись промысломъ рыбы и морского звѣря. Самые богатые и главные истребители привозныхъ товаровъ суть чукчи оленные. Сидячіе же, по бѣдности, покупаютъ мало, а потому центръ тяжести торговли въ Анадырскомъ краѣ лежитъ въ чукчахъ оленныхъ. Денегъ въ краѣ нѣтъ и торговля исключительно мѣновая. Главный предметъ, предлагаемый оленными чукчами, олень и его продукты. Предметами же ихъ спроса служитъ: черкасскій табакъ, чай, сахаръ, оружіе, огнестрѣльные припасы, металлическія издѣлія, бисеръ и корольки.

Я уже сказалъ ранѣе, что морской звѣрь въ водахъ Чукотской земли оскудѣлъ. Въ настоящее время американцы, посѣщая наши берега, обратили свое просвѣщенное вниманіе на наше богатство оленемъ. Они, пріѣзжая въ Анадырскій край, старются, за недостаткомъ морского звѣря, пріобрѣсть, и притомъ какъ можно больше, оленьихъ кожъ, мяса и живыхъ оленей. Носовые чукчи, съ которыми американцы ведутъ дѣла, оленей не имѣютъ, а потому играютъ роль, какъ бы коммиссіонеровъ американскихъ товаровъ. Американцы доставляютъ: дрель, металлическія издѣлія, муку, винчестеры и рожь, а требуютъ въ обмѣнъ, какъ сказано выше, продукты оленеводства.

Одновременно съ установленіемъ зимняго пути, носовые чукчи, нагруженные американскими товарами, ѣдутъ въ тундру къ оленнымъ и вымѣниваютъ отъ нихъ американскія издѣлія на оленьи шкуры, оленье мясо и живыхъ оленей. Съ наступленіемъ навигаціи продукты тундры нагружаются на американскія суда и увозятся въ Америку. Нужно замѣтить, что въ настоящее время между инородцами американскихъ о-вовъ появился большой спросъ на кирпичный чай, русскую махорку и русскій сахаръ, который инородцами предпочитается всякому другому. Этихъ продуктовъ амриканцы не привозятъ. Носовые же чукчи, проникая на своихъ байдарахъ къ американскимъ инородцамъ, ведя съ ними въ теченіе, быть можетъ, нѣсколькихъ вѣковъ торговыя сношенія, стараются удовлетворить спросу американскихъ инородцевъ на русскій табакъ, сахаръ и кирпичный чай. Вслѣдствіе этого носовые чукчи, пріѣзжая въ тундру, стараются, кромѣ оленьихъ продуктовъ, достать, и при томъ какъ можно больше, табаку, сахару и чаю. Взамѣнъ этихъ товаровъ они берутъ отъ американскихъ туземцевъ: куницъ, рѣчныхъ бобровъ и прочую пушнину. Такимъ образомъ, вывозимые изъ Анадырской тундры бобры, куницы—американскаго происхожденія, а не чукотскаго, какъ нѣкоторые думаютъ.

До учрежденія Анадырской округи вся торговля съ чукчами находилась въ рукахъ американцевъ. Русскихъ торговцевъ было очень мало, да и тѣ, доставивъ русскіе товары, складывали ихъ въ Гижигѣ, а оттуда, сухимъ путемъ, везли въ Марково: попадая въ тундру, товары были страшно дороги. Вслѣдствіе этого чукчи, пристрастившись къ табаку и чаю, которые, хотя и въ маломъ, сравнительно, количествѣ, но все таки вошли у чукчей въ употребленіе, ѣздили за этими товарами въ Колыму, гдѣ цѣны на нихъ, будучи весьма дороги, все же были дешевле цѣнъ, требуемыхъ анадырскими торговцами. Одновременно съ учрежденіемъ Анадырской округи, стали посылать туда пароходъ, который нагружали и купеческими товарами. Эти товары, попадая въ казенный складъ, стали отпускаться чукчамъ. Въ настоящее время на фрахтуемомъ казною пароходѣ доставляются всякаго рода товары, какъ въ казенный складъ, такъ и для торгующихъ. Вслѣдствіе этого получилось, съ одной стороны, большее предложеніе товаровъ, а съ другой меньшія на него цѣны. Но то, что съ точки зрѣнія анадырцевъ дешево, съ нашей баснословно дорого.

Торговля на Анадырѣ даетъ огромную прибыль, хотя и сопряжена съ постояннымъ рискомъ не только потерять все имущество, но даже и самую жизнь. Съ доставкой товаровъ на Анадырь, съ увеличенiемъ ихъ количества, появляются новые торговцы, которые, конкуррируя другъ съ другомъ, не задумываются надъ средствами вредить своему конкурренту. Такъ, съ прибытiемъ въ край Гондатти, случилось, что одинъ торговецъ, прибывъ въ стойбище, сказалъ: „завтра прiѣдетъ Брагинъ; у него табакъ съ болѣзнью— не берите". И дѣйствительно, какъ на зло, одинъ изъ чукчей, купившiй у Брагина табакъ, скоропостижно умеръ. По всей тундрѣ пошелъ говоръ, что русскiе изводятъ чукчей и что всѣ русскiе товары отравлены. Такъ какъ это совпадало съ прибытiемъ въ край Гондатти, то народная молва главную долю участiя въ дѣлѣ извода чукчей приписала Гондатти. Положенiе Гондатти было не завидно, ибо волненiе, охватившее тундру, никакими средствами, кромѣ какъ нравственнымъ воздѣйствiемъ единой его личности, подавить было нельзя.

И вотъ Гондатти вводитъ на Анадырѣ ярмарки. Первое его мѣропрiятiе состояло въ томъ, что онъ воспретилъ торгующимъ, подъ страхомъ строжайшей отвѣтственности, выѣзжать для торга въ одиночку. Ознакомившись съ мѣстными условiями, опредѣливъ мѣста кочевокъ чукчей, Гондатти назначилъ для торга мѣсто и время, прiуроченное къ обычному становищу чукчей; а такъ какъ эти становища разбросаны по всей тундрѣ, то на первый разъ были назначены мѣстами ярмарокъ ближайшiя становища. Ни одинъ торгующiй не могъ начать торга ранѣе поднятiя флага, который, какъ сказано въ приказѣ, «будетъ подымать Анадырскiй окружный начальникъ».

Лишь настала зима, какъ всѣ торгующiе, подъ предводительствомъ самого Гондатти, выѣхали въ тундру, на мѣста кочевокъ. Чукчи были изумлены, когда увидѣли такое множество нартъ. Когда же эти нарты остановились и всѣ товары были разложены такъ, что каждый чукча могъ видѣть все привезенное, то чукчи, разсказывалъ мнѣ Годатти, пришли въ восторгъ. Они такъ и не отходили отъ выставки товаровъ. Нужно замѣтить, что Гондатти, съ перваго же дня прибытiя въ край, усердно занялся изученiемъ чукотскаго языка. А потому, къ началу перваго торжка, онъ, ставши на нарты, объявилъ *по чукотски*, что съ этого дня торговцы въ одиночку прiѣзжать не будутъ; что будутъ прiѣзжать всѣ сразу и

сразу же выставлять всѣ привезенные ими товары; что чукчи и торговцы могутъ торговаться о цѣнѣ какъ имъ угодно, но что разъ торговецъ и чукча обмѣнялись товарами, то дѣло кончено; брать обратно отданную за товаръ пушнину нельзя".

Былъ поднятъ флагъ, сдѣланы три выстрѣла и торгъ начался. Это нововведеніе пришлось по сердцу чукчамъ: чукча могъ купить то, что ему надо, при томъ, какъ говорится, по божеской цѣнѣ. Ранѣе же, когда торговецъ пріѣзжалъ въ тундру, то цѣна товара была пропорціональна потребности въ немъ чукчи. Если, напр., чукчѣ нуженъ котелъ, а котловъ у торговца мало, то онъ бралъ въ 15 разъ болѣе стоимости котла. Молва объ этомъ нововведеніи быстро распространилась по всей тундрѣ. Замѣчу кстати, что всякія извѣстія, интересующія чукчей, распространяются по тундрѣ чрезвычайно быстро. Чукчи жадны до новостей, а потому всякій чукча, прибывшій въ становище съ какой либо новостью, желанный гость становища; вслѣдствіе этого, при появленіи какого либо сенсаціоннаго извѣстія, всякій, услышавшій его, спѣшитъ подѣлиться имъ съ сосѣдомъ.

Ко времени, назначенному для второго торжка, пріѣхало уже такое множество чукчей, что привезенныхъ товаровъ едва хватило и цѣны на нихъ стояли высокія. Всю зиму 1894 года Гондатти провелъ въ разъѣздахъ по торжкамъ, въ личномъ наблюденіи за торгомъ. Одно это обстоятельство подняло авторитетъ Николая Львовича въ глазахъ чукчей. О немъ прошла добрая молва по всей тундрѣ.

Въ настоящее время торговля русскими товарами производится слѣдующимъ образомъ: фрахтуемый казною пароходъ производитъ какъ казенную, такъ и частную доставку товаровъ. Пароходъ приходитъ на устье Анадыра въ двѣнадцатыхъ числахъ іюля. Къ этому времени изъ Маркова и другихъ селеній, расположенныхъ въ верховьяхъ Анадыра, приходятъ баркасы, которые собираютъ весь товаръ и сплавляютъ вверхъ по рѣкѣ Анадыръ. Въ этомъ году въ 1-й разъ привезены на Анадыръ товары компаніи котиковыхъ промысловъ. Товаровъ привезено свыше 4/т. пудовъ. Но нужно думать, что товары эти едвали пойдутъ въ дѣло: компанія начала дѣло, не освѣдомившись съ мѣстными условіями. Думали, что тотчасъ по разгрузкѣ часть товара можетъ быть сплавлена въ Марково, а часть сложена въ Маріинскимъ посту. Но ни въ Маріинскомъ посту, ни въ Марковкѣ, никакихъ построекъ подъ склады товара нѣтъ и весь вы-

груженный съ „Фрайера“ товаръ, въ числѣ 1140 мѣстъ, за отсутствіемъ средствъ передвиженія и амбаровъ, остался сложеннымъ на берегу. Компанія оказалась настолько легкомысленной, что приказчику, сопровождавшему товаръ, не было дано даже брезентовъ для покрышки. Кое какъ пособрали оленьи шкуры и компанейская мука, соль и проч. товары остались до зимы покрытыми шкурами. Весьма возможно, что добрая половина товаровъ пропадетъ.

Ко дню прибытія парохода, съ окрестныхъ стойбищъ собираются байдарные чукчи и забираютъ товаръ изъ склада. Запасъ товара въ казенномъ складѣ, сравнительно съ потребностью, ничтоженъ, а потому чукчамъ отпускаютъ не болѣе 1/10 того, что они просятъ. Въ казнѣ приберегаютъ товары къ зимѣ и веснѣ, когда цѣны на нихъ доходятъ до чрезвычайно высокихъ размѣровъ и казенный складъ, по выраженію Гондатти, служитъ регуляторомъ цѣнъ. Въ настоящее время нормальныя цѣны товаровъ выражаются такъ: цѣна песца въ тундрѣ — 2 кирпича чаю, фунтъ сахару и 2 папуши махорки; пыжика: 1 кирпичъ чаю; оленя 2 кирпича чаю. Переведя это на Владивостокскія цѣны, имѣемъ: за песца около 1 руб., за пыжика 24 к. и за оленя 48 к. Въ казенномъ складѣ за песца даютъ: товаровъ на 4 руб., считая по Владивостокской цѣнѣ, съ добавкой 10% на затраченный капиталъ. Вообще въ казенномъ складѣ, на устьѣ Анадыра, цѣны въ 6 разъ дешевле, чѣмъ въ тундрѣ; въ Марковскомъ складѣ въ 5 разъ дешевле (здѣсь считается провозъ). Но цѣны тундры, въ столько разъ превышающія казенныя, по словамъ Гондатти, весьма добросовѣстны, ибо нужно принять во вниманіе расходы за извозъ и что нибудь заработать торговцу. Хотя въ настоящее время на Анадыръ доставляется, сравнительно, и много товаровъ, но Гондатти говоритъ, что если бы доставлялось въ 4 раза больше, то и тогда было бы *только достаточно*, такъ какъ спросъ на табакъ, чай и металлическія издѣлія съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Насколько серьезна потребность въ Чукотской землѣ въ товарахъ, видно изъ того, что одна американская компанія, съ прошлаго года, устроила на Чукотскомъ Носу складъ и обставила его съ полнымъ комфортомъ. Служащіе въ складѣ живутъ въ прекрасномъ домѣ, приспособленномъ къ условіямъ полярнаго климата и имѣющемъ всѣ удобства, не исключая и ванной. Гондатти говорилъ, что спросъ на оленьи шкуры въ Анадырѣ на столько серьезенъ, что Гондатти, изъ

21

чувства патріотизма, рекомендуетъ вниманію русской промышленности это богатство Анадырскаго края. Американцы стараются теперь закупать живыхъ оленей, но Гондатти безусловно запрещаетъ эту продажу; „покуда, говорилъ онъ мнѣ, буду здѣсь я, я не допущу, чтобы нашн олешки перебрались на тотъ берегъ".

Открытіе американцами склада на Чукотскомъ Носу сильно озабочиваетъ Николая Львовича. Онъ не на шутку боится, какъ бы оленей не постигла та же судьба, какая постигла моржей и китовъ, не говоря уже, что этотъ складъ, поставленный на широкихъ началахъ, можетъ убить русскую торговлю въ Чукотской землѣ

Такимъ образомъ, сказанное о торговлѣ можно резюмировать такъ: въ настоящее время товары для Чукотской земли идутъ изъ Америки и изъ Россіи. Американцы спрашиваютъ, по преимуществу, продукты оленеводства; русскіе—пушнину. Посредничаютъ въ торговлѣ американскими и русскими товарами носовые чукчи. Въ настоящее время привозъ товаровъ, сравнительно съ потребностью, малъ и складъ, о которомъ упомянуто выше, только лишь начинаетъ свою дѣятельность. Цѣны на товары высоки. Казенный складъ регулируетъ цѣны лишь отчасти, такъ какъ его запасы ничтожны.

Попытка компаніи котиковыхъ промысловъ учредить на Анадырѣ торговлю желательна, но первый шагъ компаніи, о которомъ сказано выше, вызываетъ недовѣріе. Торговля на Анадырѣ можетъ быть весьма выгодною, но серьезныхъ предпринимателей нѣтъ. Если компаніи удастся поставить дѣло прочно, то никакихъ особыхъ мѣръ къ поддержанію русской торговли принимать не придется.

Если же компанія, по какимъ либо причинамъ, оставитъ свое предпріятіе, то единственная возможность конкуррировать съ американцами—*устроить на Анадырѣ такой же складъ русскихъ товаровъ, какой устроенъ на Носу американцами.* Открытіе склада товаровъ на болѣе широкихъ началахъ, какъ полагаетъ Гондатти, будетъ имѣть двоякую пользу: 1) дастъ хорошій % на оборотный капиталъ и 2) послужитъ самымъ надежнымъ средствомъ къ распространенію русскаго вліянія надъ чукчами. Распространеніе же между чукчами русской власти, безъ снабженія ихъ товарами, Гондатти считаетъ невозможнымъ. Чукча считаетъ благодѣтелемъ торговца, который, доставивъ ему, по-

ложимъ, котелъ, взялъ за него въ 10—15 разъ брлѣе его стоимости. Если, поэтому, у представителя русской власти чукча получитъ возможность пріобрѣсти котелъ,порохъ, чай и все, что ему потребуется, пріобрѣсти при томъ очень дешево, то эта власть, въ его глазахъ, уже является истчникомъ его благосостоянія. Такимъ образомъ, чукча, считая себя одолженнымъ кѣмъ бы то ни было изъ торгующихъ, считаетъ себя въ то же время его другомъ и готовъ исполнить все, что потребуетъ отъ него его другъ.

Выше уже было сказано, что въ настоящее время торгъ прозводится на устроенныхъ Гондатти ярмаркахъ. Еслибы допустить, что въ Маріинскомъ посту и въ Марковкѣ были открыты склады товаровъ, въ размѣрѣ, удовлетворяющемъ требованію, то учрежденные торжки, конечно, упали бы. Центромъ торговли, а слѣдовательно и центромъ всего края, была бы резиденція представителя русской власти.

Въ учрежденіи обширныхъ складовъ Гондатти видитъ залогъ обрусенія чукчей, поднятія ихъ экономическаго благосостоянія и реальнаго противовѣса американцамъ. Капиталъ, который былъ бы пущенъ въ оборотъ, могъ бы, при самыхъ худшихъ условіяхъ, какъ говорилъ Гондатти, давать 10—15 %, выключая накладной расходъ.

Изложенное о торговлѣ составляетъ compendium моихъ бесѣдъ съ Николаемъ Львовичемъ. Насколько правильны приведенныя мысли, судить не берусь, хотя полагаю, что мнѣніе Гондатти, какъ человѣка всесторонне знающаго Чукотскую землю, авторитетно. Стремленіе же Николая Львовича, путемъ урегулированія торговли, путемъ указанія способовъ наивыгоднѣйшей эксплоатаціи главнаго богатства края—оленей, поднять экономическое благосостояніе Чукотской земли, а черезъ то воздѣйствовать на умственную и нравственную сторону дикарей-чукчей, есть одна изъ тѣхъ благородныхъ задачъ, къ рѣшенію которой должна стремиться культурная нація.

Въ теченіе $2^1/_2$ вѣковъ мы владѣемъ Чукотской землей, но только съ 1894 года чукчи увидѣли русскаго дѣятеля, въ лучшемъ значеніи этого слова, увидѣли его въ лицѣ Николая Львовича Гондатти.

Ниже я скажу объ отношеніи чукчей къ Гондатти, разскажу о его службѣ, исполненной подвиговъ высокаго самоотвер-

женія, а теперь, въ интересахъ системы очерка, скажу нѣсколько словъ объ извозѣ и огородничествѣ.

Всякій, у кого имѣется нарта собакъ и достаточно корма, въ зимнее время, т. е. съ начала октября до мая мѣсяца, занимается извозомъ. Товары возятся изъ Маріинскаго поста въ Марково, изъ Маркова въ стойбища чукчей, на Анюйскую ярмарку и въ Гижигу. Цѣны за извозъ не равномѣрны и не соотвѣтствуютъ разстояніямъ. Такъ, напр., за провозъ товаровъ изъ Маркова въ Гижигу и изъ Маркова въ Маріинскій постъ платится 3 руб. съ пуда; между тѣмъ, за извозъ до Гижиги и обратно тратится отъ 40—50 дней, а до Маріинскаго поста 22—34 дня. За провозъ товара на торжки берутъ отъ 1—2 руб. съ пуда. Извозный промыселъ, будучи главнымъ занятіемъ русскаго населенія въ зимнее время, имѣетъ весьма важное значеніе. За зиму нарта вырабатываетъ до 200 руб.

Скотоводства въ Анадырскомъ краѣ нѣтъ, если не считать корову и быка, имѣющихся у марковскаго священника. Эта пара скота, будучи приведена въ Марково изъ Гижиги два года тому назадъ, не дала еще приплода и этотъ опытъ заведенія на Анадырѣ скота вызываетъ сомнѣніе въ пригодности края къ скотоводству.

Нѣкоторые жители с. Маркова пытались разводить огородныя растенія и хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., рѣпа, рѣдька, брюква и морковь, и выращивались, но уходъ за ними требовалъ такъ много труда, что полученные результаты не оправдываютъ хлопотъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, жизненныя условія страны, въ которой, по желанію Приамурскаго Генералъ-Губернатора, Сергія Михаиловича Духовскаго, работаетъ, во славу русскаго имени и русской культуры, бывшій ученый секретарь Императорскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи, Николай Львовичъ Гондатти. Да проститъ мнѣ читающая публика мою смѣлость обрисовать, съ возможной подробностью, въ связи съ условіями Чукотской земли, образъ Николая Львовича, личность котораго на меня, пишущаго эти строки, произвела неизгладимое впечатлѣніе: писалъ я эти строки подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго.

ГЛАВА V.

Анадырскій окружный начальникъ Николай Львовичъ Гондатти и его административно-культурная дѣятельность.

Говоря о Гондатти, я остановился на томъ, что онъ взошелъ на пароходъ.

Немного оправившись отъ охватившей его одышки, онъ спросилъ у меня: „какой теперь день, какое число и какой часъ“. Этотъ вопросъ, какъ увидимъ ниже, не былъ празднымъ. Вести на Анадырѣ точное времяисчисленіе очень трудно, но на этотъ разъ оказалось, что дни и числа считались на Анадырѣ вѣрно, а часы, провѣренные Николаемъ Львовичемъ въ день нашего прихода, по солнцу, оказались отстающими всего лишь на 6 минутъ противъ хронометра капитана, провѣрявшагося, когда не было тумана, ежедневно, при помощи инструмента. Въ то время когда Гондатти свѣрялъ часы, я выстроилъ на палубѣ парохода привезенныхъ мною 6 казаковъ, предназначенныхъ для смѣны. Мои казаки, до остановки парохода, были одѣты въ камчатское одѣяніе: на ногахъ были торбаса, на плечахъ пиджаки, камлейки и проч., но увидѣвъ, что Гондатти встрѣчаетъ насъ въ полномъ парадѣ, имѣя казаковъ при холодномъ оружіи, я приказалъ своимъ казакамъ пріодѣться въ форму и надѣть шашки. Гондатти вышелъ на палубу, принялъ рапортъ отъ старшаго казака, поздоровался съ командой и опросилъ у каждаго претензіи и здоровье. Затѣмъ онъ приказалъ прибывшимъ сгружать свои вещи и баркасъ и съѣзжать на берегъ. Эта парадная встрѣча парохода, педантическое и серьезное исполненіе правилъ воинскихъ уставовъ при пріемѣ вновь прибывшей команды имѣетъ великій смыслъ и значеніе: Гондатти работаетъ русскому дѣлу среди десятитысячнаго племени чукчей, не слышавшихъ русскаго имени; не опирая свою власть на силу, которой у анадыр-

ской администраціи нѣтъ и не можетъ быть, Гондатти задался цѣлью управлять краемъ и проводить русскую идею силою нравственнаго вліянія своей личности.

Да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что я, прослужившій въ военной службѣ около 12 лѣтъ, никогда и нигдѣ не видѣлъ столь образцоваго порядка, столь дисциплинированной и проникнутой сознаніемъ долга команды, каковою я видѣлъ маленькую команду анадырскихъ казаковъ. Думаю, что много труда, таланта и глубокаго знанія человѣческой природы положилъ Гондатти въ дѣло воспитанія своихъ казаковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что честь русскаго имени, пока краемъ управляетъ Гондатти, омрачена не будетъ, а укрѣпленіе въ чукчахъ сознанія что русскій начальникъ и его подручные не обманутъ, а при случаѣ и помогутъ, есть единственное средство укрѣпленія русской власти въ Чукотской землѣ.

Всѣ старанія русскихъ казакозъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, всѣ ихъ усилія покорить чукчей силою оружія окончились, какъ извѣстно, полной неудачей. Чукчи, народъ сильный, смѣлый, свободолюбивый, имѣющій нынѣ, благодаря американцамъ, прекраснѣйшее новѣйшее оружіе, не могутъ быть покорены никакими арміями, такъ какъ пославъ туда войско, его негдѣ будетъ поселить и нечѣмъ будетъ кормить.

Главный Начальникъ Приамурскаго края С. М. Духовской, пославши въ Чукотскую землю Гондатти, сдѣлалъ все, что могло сдѣлать русское правительство для замѣны тамъ американскаго флага россійскимъ и для цивилизаціи этой отвѣчно дикой и абсолютно первобытной страны.

Обстановка, среди которой живетъ Николай Львовичъ Гондатти, не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ самаго скромнаго человѣка. Эта обстановка есть лучшее доказательство справедливости народной мудрости, формулируемой словами: „дитя не плачетъ мать не знаетъ". Претерпѣвая чрезвычайныя лишенія, Николай Львовичъ никогда не утрудилъ начальство никакою просьбой объ улучшеніи его личнаго существованія. Всѣ его представленія начальству имѣютъ единою цѣлью благо довѣреннаго ему края и нигдѣ, ни однимъ намекомъ, ни однимъ словомъ онъ не свидѣтельствуетъ начальству о своихъ личныхъ

лишеніяхъ. Въ этомъ фактѣ позволяю себѣ видѣть величайшую заслугу Николая Львовича передъ Отечествомъ. Онъ показываетъ, что во имя идеи человѣкъ можетъ мириться съ реальнѣйшими бѣдствіями живого существа: холодомъ, голодомъ и съ реальнѣйшимъ лишеніемъ человѣка: полнымъ отсутствіемъ себѣ подобныхъ; онъ показываетъ, что въ великой Россіи, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуются люди долга, способные на самозабвеніе, таковые находились повсюду изстари и теперь. Думаю также, что Николай Львовичъ, не смотря на свои молодые годы, завоевавшій себѣ нѣкоторое мѣсто въ русской наукѣ, индифферентно относится къ той обстановкѣ, которая обыденнаго человѣка можетъ привести въ ужасъ потому, что вся, такъ называемая, „обстановка", почитается Николаемъ Львовичемъ „мелочами жизни", которыя онъ не удостоиваетъ своего вниманія. Претерпѣваемыя же имъ лишенія, при томъ огромномъ трудѣ, который онъ такъ щедро кладетъ и въ науку, и въ исполненіе предначертаній русскаго правительства, несомнѣнно послужатъ данными къ признанію Николая Львовича подвижникомъ, имѣющимъ всѣ права на записаніе его имени, какъ на скрижали исторіи науки, такъ, въ частности, и исторіи культуры Приамурскаго края.

Въ то время какъ Гондатти принималъ прибывшихъ казаковъ, въ каютъ-компаніи былъ накрытъ столъ и капитанъ пригласилъ Гондатти и его помощника, Анкудинова, закусить. Консервы, которые были предложены на закуску, не удостоились вниманія анадырской администраціи: консервы — главное продовольствіе Гондатти и его помощника и пріѣлись имъ настолько, что, какъ говоритъ Николай Львовичъ, одинъ видъ жестяной банки возбуждаетъ отвращеніе. Но за то, когда подали отваренный картофель, какъ приправу къ солонинѣ, то Гондатти и Анкудиновъ пришли въ восторгъ: „знаете ли, сказалъ мнѣ Гондатти, вѣдь мы съ прошлаго парохода не видѣли картошки; оставили, было, пудовъ 40 на запасъ, да гдѣ же у насъ держать запасы? погреба выкопать нельзя: вѣдь наша земля на 4 вершечка уже не болѣе, какъ сплошная глина; а аппартаменты наши такіе, что я удивляюсь, какъ мы сами не замерзли. Не ѣли, батенька, мы картошки вотъ уже годъ, а если бы вы знали, какъ другой разъ хочется растительной пищи"!... Помощ-

никъ Николая Львовича. Анкудиновъ, даже не комментировалъ своей радости картошкѣ, но то удовольствіе, съ которымъ онъ ее ѣлъ, ясно говорило, что это было не простое удовлетвореніе голода, но потребность организма въ растительной пищѣ, которую ѣдятъ на Анадырѣ лишь одинъ разъ въ годъ, въ дни стоянки парохода.

„Отчего же вы, Николай Львовичъ, спросилъ я, не закупите консервированныхъ овощей"?—Э, батенька, консервовъ у насъ хоть отбавляй, да развѣ въ консервахъ есть какой нибудь вкусъ? Ну, посмотрите, понюхайте эту картошку! Тутъ и ароматъ, тутъ чувствуешь, что это дѣйствительно картофель. Вотъ завтра, сказалъ онъ по англійски, обращаясь къ капитану, прошу ко мнѣ на обѣдъ, а мнѣ, добавилъ по русски: вотъ вы и увидите, какой такой вкусъ въ консервахъ, хранившихся въ нашемъ амбарѣ цѣлую зиму... Какъ-никакъ, сударь мой, а морозики въ 60° на меня хоть и мало дѣйствуютъ, а вотъ на консервы дѣйствуютъ: весь духъ вышибаютъ"...

Веселый, привѣтливый Николай Львовичъ бесѣдовалъ, какъ говорится, залпомъ: вѣдь мы, пароходные, привезли ему вѣсти съ того міра, въ которомъ, когда въ Анадырской тундрѣ все мертво, жизнь бьетъ ключемъ. Ну, говорите, говорите, что дѣлается на свѣтѣ"....

Все видѣнное мною произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Я не могъ сразу собраться съ мыслями, чтобы отвѣтить.... Я медлилъ отвѣтомъ, соображая, съ чего начать. „Говорите же скорѣй, голубчикъ", сказалъ Гондатти и потрясъ меня за руку. Я сталъ отвѣчать. Всякій мой отвѣтъ вызывалъ восклицаніе Николая Львовича. Онъ не зналъ, напр., что война Японіи съ Китаемъ окончилась, что эта война сопровождалась дипломатическимъ вмѣшательствомъ европейскихъ державъ; онъ не зналъ, что коронація Государя совершилась; что Главный Начальникъ края пребываетъ въ Петербургѣ; онъ не зналъ о крупныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ, по случаю коронаціи, со многими его знакомыми.

Въ то время какъ я, по возможности кратко, разсказывалъ чуть ли не лѣтопись всего года, а Гондатти жадно слушалъ, капитанъ, не разумѣвшій нашей бесѣды, смотрѣлъ на насъ вопросительно. Продолжать разговоръ по русски было неудобно, а потому я, невозможно коверкая слова, сталъ разсказывать по нѣмецки. Этотъ языкъ болѣе или менѣе былъ извѣстенъ всѣмъ, а помощникъ Гондатти, Анкудиновъ, уроженецъ

Прибалтійскаго края, прекрасно изъяснялся по нѣмецки и, при его помощи, разговоръ сдѣлался общимъ. Нашъ обѣдъ, состоявшій, по моей просьбѣ, изъ разнообразныхъ блюдъ, запитый шампанскимъ, закончился около 8 часовъ вечера.

Николай Львовичъ принялъ отъ меня почту и деньги, которые, пока находились на пароходѣ, составляли предметъ моей постоянной тревоги. Уходя съ парохода, Николай Львовичъ сказалъ мнѣ: у „у меня въ настоящее время такъ много дѣла, что едва ли, намъ удастся поговорить съ Вами, но во всякомъ случаѣ, прошу имѣть въ виду, что я буду радъ всякому Вашему посѣщенію, а въ частности, прошу завтра на обѣдъ". Признаюсь, что такъ формулированное приглашеніе не очень мнѣ понравилось, но у Гондатти были на это причины, изъ коихъ главная: состояла въ томъ, что въ дни стоянки парохода ему было нужно: 1) прочитать всѣ бумаги, адресованныя къ нему изъ разныхъ учрежденій и Приморскаго областного правленія по преимуществу; 2) дать на всѣ бумаги отвѣтъ; 3) принять съ парохода грузъ, что, какъ увидимъ ниже, составляетъ на устьѣ Анадыра нелегкую задачу; 4) снарядить отправку товаровъ въ Марково. Словомъ сказать, въ дни стоянки парохода, продолжающейся отнюдь не болѣе 12 дней, приходилось сдѣлать все, что, при обычномъ порядкѣ, дѣлается въ теченіе года. Дѣятельность Гондатти въ эти 12 дней, очевидцемъ которой я былъ, служитъ, по моему мнѣнію, показателемъ мощи нравственныхъ его силъ.

На пароходѣ встаютъ рано. Въ 7 часовъ утра, хочешь не хочешь, а зовутъ пить чай или кофе. Иногда хотѣлось бы поспать, да нельзя: датчане вообще педантичны, а моряки въ особенности: не придешь къ 7—8 часамъ къ чаю, послѣ ужь не дадутъ. Одинъ разъ, изъ любопытства, я спросилъ себѣ чаю въ 9 часовъ утра, но это повело къ цѣлой исторіи съ командиромъ парохода. Вслѣдствіе этого, около 7 час. утра я уже вставалъ.

24 іюля, въ 1-й день нашей стоянки на Анадырѣ, я проснулся рано и напился чаю. До званаго обѣда оставалось 5 часовъ. Долго ждать на пароходѣ скучно; я попросилъ у командира шлюпку и поѣхалъ на берегъ, на которомъ расположенъ Маріинскій постъ. Этотъ постъ стоитъ на песчаной кошкѣ, по-

17

крытой тощей травой и образуемой рѣкой Анадыръ съ одной стороны и моремъ съ другой. Постъ состоитъ изъ 14 юртъ чукчей, постоянно здѣсь живущихъ, и землянки, въ которой помѣщается Анадырскій окружный начальникъ. Говорю *землянки* потому, что это зданіе нельзя назвать ни домомъ, ни шалашемъ, ни юртой, ни даже землянкой; это сочетаніе всего вмѣстѣ и, обложенное снаружи со всѣхъ сторонъ дерномъ, лучше всего можетъ быть принято за землянку. Юрты чукчей расположены близъ самаго берега.

Юрта—это коническій шалашъ, устраиваемый изъ оленьихъ шкуръ. Дѣлается онъ такъ: на землѣ, по сторонамъ неправильнаго многоугольника, вбиваются колья до 2 аршинъ высоты. На эти колья ремнями изъ нерпы привязываются длинныя жерди, образующія горизонтальный многоугольникъ. Къ мѣстамъ соединенія жердей съ копьями привязываются длинные тонкіе шесты, числомъ 13, которые, будучи наклонены внутрь юрты, подъ острымъ угломъ, соединяются почти въ одной точкѣ (приблизительно, конечно) и образуютъ конусъ. Описанный остовъ покрывается оленьими шкурами, при чемъ самая верхняя часть юрты, т. е. вершина конуса, остается не покрытой и служитъ для выхода дыма. Площадь, занимаемая юртой, различной величины, въ среднемъ, какъ я полагаю, не болѣе 50 квадратныхъ аршинъ. Внутренность юрты, собственно говоря, не имѣетъ никакой обстановки, такъ какъ у чукчей нѣтъ рѣшительно никакой мебели.

Опишу обстановку той юрты, которую мнѣ пришлось посѣтить.

Въ юрту не входятъ, а влазятъ: входной дверью служитъ отверстіе, не болѣе $1^1/_2$ арш. высоты и $^3/_4$ ширины. Это отверстіе закрыто шкурой оленя. Чукча, прежде чѣмъ войти въ юрту, становится на колѣни, отворачиваетъ рукой шкуру, служащую дверью, и вползаетъ въ юрту. Тотчасъ по входѣ въ юрту, видѣть что либо нельзя: ѣдкій дымъ, наполняющій собою всю юрту, застилаетъ все и безъ привычки, отъ густого дыма, наполняющаго юрту, больно глазамъ. Этотъ дымъ исходитъ изъ постоянно тлѣющаго посреди юрты очага, наложеннаго изъ собранныхъ по берегу моря наносныхъ палокъ и цѣлыхъ деревьевъ; очагъ разложенъ просто на землѣ, безъ какихъ бы то ни было дымоотводныхъ или иныхъ печныхъ приспособленій. Надъ очагомъ, спускаясь на ремнѣ, привязанномъ къ одной изъ жердей, составляющихъ крышу юрты, виситъ металлическій чайникъ или жестяное ведро, именуемое на

Анадырѣ котломъ. Прямо противъ входа устроенъ изъ оленьихъ шкуръ пологъ. Этотъ пологъ, въ зависимости отъ величины семьи, дѣлается различной величины. Устройство же его таково: 4 полутороаршинные кола, вбитые въ землю, съ наложенными на нихъ четырьмя жердями, покрываются со всѣхъ сторонъ сшитыми другъ съ другомъ оленьими шкурами. Пространство земли, осѣняемое оленьимъ пологомъ, покрыто оленьими же шкурами въ нѣсколько рядовъ. Эти разостланныя подъ пологомъ шкуры служатъ постелью для всей семьи. Длина постели постоянна, 3 арш., но ширина, какъ я выше замѣтилъ, различна, отъ 2—6 аршинъ; наибольшая ширина полога встрѣчается въ томъ случаѣ, если у чукчи 2—3 жены и отъ каждой есть дѣти, такъ что на ширинѣ 6 арш. помѣщается иногда семья изъ 12 душъ и болѣе. У стѣнъ юрты разставленъ различный скарбъ чукотской семьи. Этотъ скарбъ поражаетъ своей несложностью: ничего такого, что не входило бы въ предметъ постояннаго употребленія, въ юртѣ нѣтъ. Въ одномъ углу сложена посуда, состоящая изъ нѣсколькихъ металлическихъ или глиняныхъ тарелокъ и большой деревянной доски, выдолбленной на подобіе корыта, имѣющаго глубину не болѣе ½ дюйма; въ другомъ стоитъ нерпичій пузырь съ нерпичьимъ или моржевымъ жиромъ, вывернутая шкура лахтака, предназначенная для выдѣлки подошвъ къ торбасамъ, оленьей и собачьей сбруи. Къ горизонтальнымъ жердямъ, въ чахлахъ изъ различныхъ шкуръ, привѣшенъ винчестеръ или бердана. Нѣсколько нерпичьихъ мѣшковъ со сложенной въ нихъ пушниной, оленьими выпоротками и пыжиками, иногда мамонтовой костью, дополняютъ убранство юрты. Въ одномъ изъ этихъ мѣшковъ, въ какой либо жестянкѣ изъ подъ консервовъ или бисквитовъ, сложены чайныя чашки и стаканы, составляющія предметъ особенныхъ попеченій каждаго ихъ владѣльца; каждый чукча и чукчанка, не исключая и малолѣтнихъ, имѣютъ свою собственную чашку и эта чашка—единственая вещь, неуклонно обмываемая послѣ употребленія.

Когда я вошелъ въ юрту, было около 8 часовъ утра. Чукотская семья, состоящая изъ 8-ми душъ, считая и двухъ маленькихъ дѣтей, завтракали. Между очагомъ и пологомъ было поставлено упомянутое мною деревянное блюдо, на которомъ лежало огромное количество кусковъ свареной и, конечно, безъ соли, рыбы. Лежа на животахъ, забирая куски рыбы руками, чукчи выплевывали кости изъ рта въ тотъ же сосудъ, изъ кото-

раго ѣли. Брали пищу огромными кусками и клали куски въ ротъ, безъ предварительнаго отдѣленія ихъ отъ костей. Чавканье и постоянные плевки чукчей на ѣду, невыразимо грязныя ихъ руки возбуждали во мнѣ чувство брезгливости.

Глава семьи, чукча лѣтъ 50-ти, со всклоченной, нечесанной головой, высовывавшейся изъ подъ полы полога, въ которомъ онъ лежалъ совершенно нагимъ, когда всѣ насытились, отдалъ блюдо чукчанкѣ, которая это блюдо, вмѣстѣ съ лежавшими на немъ объѣдками, поставила собакамъ.

Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на завтракъ чукчей, продолжавшійся не менѣе 1/2 часа времени. Рыбы за завтракомъ было съѣдено несмѣтное количество, думаю, во всякомъ случаѣ, что не менѣе одного пуда.

Въ то время какъ ѣли рыбу, на очагѣ, горѣвшемъ яркимъ пламенемъ, кипятилась вода для чая. Чайникъ вскипѣлъ; самъ старикъ отломилъ кусокъ кирпича и заварилъ чай. Была вынута посуда; каждая чашка, каждый стаканъ былъ обмотанъ въ какую либо ткань: бумажную, шелковую, шерстяную, суконную. Главное примѣненіе всевозможныхъ лоскутковъ въ чукотскомъ обиходѣ, это обворачиваніе ими чайной посуды. Нѣкоторыя тряпочки, которыми были обмотаны стаканы, служатъ, повидимому, уже не первый годъ, такъ какъ были покрыты такимъ слоемъ грязи, который бросается въ глаза издали. Каждый членъ семьи поставилъ передъ собой чашку, а чайникъ поставили посрединѣ. У каждаго чукчи имѣется на шеѣ кожаный мѣшечекъ, предназнчаемый для храненія табаку (махорки) и сахару. Кусочекъ сахару, полежавшій съ табакомъ, пропитанный насквозь табачной пылью, особенно пріятенъ вкусу чукчи. Наливъ въ чашки чай, всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, повытаскали изъ за пазухи эти мѣшечки и вынули оттуда по кусочку сахара, чернаго на видъ, а на вкусъ, полагаю, напоминающаго что угодно, но только не сахаръ. Чукчи пили чай очень долго и старикъ выпилъ, по моему счету, 14 большихъ стакановъ чаю. Чукчи пьютъ чай огромными глотками; чѣмъ глотокъ болѣе жжетъ, тѣмъ, видимо, доставляетъ больше удовольствія. Сахаръ служитъ лишь прелюдіей къ чаепитію: прежде чѣмъ приступить къ чаепитію, чукчи, положивъ сахаръ въ ротъ, съѣли его зубами; хрустъ отъ съѣдаемаго, одновременно нѣсколькими чукчами, сахару могъ бы быть слышенъ, полагаю, съ разстоянія 20—30 шаговъ.

Мало по малу чаепитіе закончилось. Тутъ я былъ свидѣтелемъ оригинальнаго зрѣлища. По мѣрѣ прекращенія чаепитія, каждый чукча бралъ въ правую руку тряпочку, которою была обмотана чашка, а въ другую бралъ чашку. Поднесши чашку ко рту, чукча высовывалъ, до возможной степени, языкъ и облизывалъ имъ внутренность чашки, послѣ чего относилъ чашку отъ рта и имѣющейся въ рукахъ тряпочкой обтиралъ внутреннюю сторону чашки; покончивъ съ внутренней стороной, приступали къ наружной. Здѣсь уже процедура другая. Чашка подносилась ко рту и тщательно вылизывалась языкомъ одна полоса и, достаточно наслюненная, вытиралась тою же тряпочкой; чашка подносилась ко рту и вылизывалась по наружной поверхности столько разъ, сколько нужно, чтобы вся чашка, не исключая и ручки, была облизана и вытерта. Вытертыя, такимъ образомъ, чашки были вновь обмотаны тряпочками и сложены въ жестянки, а потомъ и въ мѣшки.

Описанный мною завтракъ и чаепитіе продолжались болѣе 2 часовъ. Было уже четверть одиннадцатаго, когда я хотѣлъ уйти изъ юрты, но тутъ я увидѣлъ еще болѣе любопытную картину.

Маленькій, не болѣе 8 мѣсяцевъ, чукченокъ, спавшій въ пологѣ, заплакалъ. Мать справилась о причинѣ его плача: оказалось, что ребенка требовалось обмыть. Въ одномъ изъ угловъ я давно уже видѣлъ три деревянныя чашки съ желтой жидкостью, принятой мною за нерпичій или другой какой жиръ. Держа испачкавшагося ребенка въ лѣвой рукѣ, чукчанка взяла одну изъ посудинъ, поставила ее посреди юрты и, положивъ ребенка на колѣни, правою рукою взяла горсть жидкости и стала обмывать ею лицо ребенка и все его тѣло. Но лишь она тронула рукой жидкость, какъ ѣдкій запахъ застоявшейся мочи наполнилъ всю юрту.

Нужно замѣтить, что чукчи вообще рѣдко моются, а если моются, то исключительно мочей; чѣмъ болѣе она застоялась, тѣмъ болѣе почитается пригодной къ туалету чукчи или чукчанки. Чукчи думаютъ, что при тѣхъ холодахъ, которые имѣютъ мѣсто на ихъ родинѣ, ничѣмъ другимъ, кромѣ мочи, умываться нельзя.

Мнѣ, при видѣ омовенія лица ребенка мочей, окончательно сдѣлалось тошно и я вышелъ на свѣжій воздухъ.

По всему берегу бродили чукчи; изъ сосѣднихъ лѣтниковъ,

15

по случаю прибытія парохода, многіе пріѣхали наканунѣ, а нѣкоторые, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подплывали теперь. Съ парусомъ изъ оленьей шкуры, быстро разрѣзали анадырскія волны двѣ байдары, на каждой изъ которыхъ сидѣло до 15 душъ чукчей. Всѣ чукчи сидѣли съ непокрытыми головами, хотя вѣтеръ былъ холодный и пронизывалъ до мозга костей. Не доѣзжая до берега нѣсколькихъ шаговъ, взрослые выскакивали прямо въ воду и байдара, съ нагруженными на ней шкурами, скарбомъ и маленькими дѣтьми, бралась руками за борты и на рукахъ выносилась на берегъ, не менѣе какъ на 40 шаговъ отъ воды. Чукча страшно дорожитъ байдарой. Онъ скорѣе продастъ, въ случаѣ нужды, двѣ жены, чѣмъ лишится байдары. Выносятъ байдару на рукахъ изъ опасенія не проколоть ее галькой, изобильно покрывающей весь анадырскій берегъ.

На берегу шла дѣятельная переторжка между чукчами и пароходными *).

Я подошелъ къ группѣ торгующихся. Къ ужасу своему, у одного изъ г.г. пароходныхъ офицеровъ я увидѣлъ торчащую изъ кармана бутылку, потащивъ за которую, убѣдился, что это былъ спиртъ. Бутылка моментально была разбита, а господину, преступившему усердную просьбу Гондатти, я, насколько могъ, сердито, крикнулъ: „хераусъ фонъ хиръ“, и, не давъ ни отдыха ни срока, погналъ всю компанію съ берега.

Былъ двѣнадцатый часъ въ началѣ, можно было отправиться и къ Гондатти.

Помѣщеніе Гондатти, именующееся мѣстными казаками и пріѣзжими марковцами казармой, построено на берегу залива, глубоко врѣзающагося въ песчаную косу, о которой упомянуто выше. Не доходя 50 шаговъ до казармы, устроены вѣшала, на которыхъ было развѣшано и подсыхало около 10/т. рыбъ. За вѣшалами сложена куча дровъ изъ наноснаго лѣса. Лѣсъ различныхъ породъ и различныхъ величинъ: начиная отъ щепки и кончая 5-вершковымъ бревномъ. Всѣ почти палки и бревна безъ коры, словно обточены на станкѣ. Этими дровами очень дорожатъ

*) Чукчи такіе страстные любители спирту, что одной его бутылкой можно буквально разорить 2—3 семьи. Чукча отдастъ за спиртъ все, что у него есть. Вслѣдствіе этого Гондатти безусловно воспрещаетъ продажу спирта. Я далъ слово Гондатти, что съ нашего парохода не будутъ продавать спирта, а потому воспретилъ вообще торговаться на пароходѣ, гдѣ трудно наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія.

въ Маріинскомъ посту и берегутъ ихъ почти исключительно для подтопки, а топятъ печи каменнымъ углемъ, доставляемымъ изъ Владивостока на фрахтуемомъ пароходѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ складовъ угля находится и самое зданіе Анадырскаго окружнаго полицейскаго управленія. Исторія этого зданія такова: въ 1889 году, при отправленіи д—ра Гриневецкаго изъ Владивостока, на отпущенные ему 1500 р., имъ были куплены два досчатые барака, по 8 арш. длины и ширины и 3½ высоты. Жить въ этихъ б ракахъ безъ особыхъ приспособленій, при 60° морозахъ, не представлялось никакой возожнмости. Одновременно съ установкой бараковъ началось обсыпаніе ихъ сухой землей и обкладываніе дерномъ. Дѣло, начатое Гриневецкимъ, продолжается и Гондатти. Земляная присыпка къ стѣнамъ годъ отъ году утолщается и теперь достигла уже не менѣе 3 арш. толщины. Крыша обмазывается глиной и также обложена дерномъ. Плотно слежавшійся, въ теченіе 7 лѣтъ, дернъ образуетъ футляръ для досчатаго барака, укрывающаго Гондатти, его помощника и 9 казаковъ съ ихъ женами и дѣтьми отъ полярныхъ морозовъ. Оконца этого зданія, числомъ 5, не болѣе 12 квадр. вершк. въ сторонѣ; входная дверь одна. Близъ казармы, изъ дерну же, досокъ и лѣсу отъ стараго, разбившагося баркаса устроенъ складъ для всякаго рода товаровъ и вещей. У самыхъ оконъ казармы, выходящихъ на бухточку, стоитъ привязанная къ берегу флотилія анадырской администраціи, состоящая изъ баржи, грузоподъемностью до 3/т. пудовъ, баркаса и 3-хъ маленькихъ лодочекъ. 14 юртъ и описанная казарма составляютъ всѣ жилыя постройки Маріинкаго поста, а Гондатти, его помощникъ, 9 человѣкъ казаковъ, 3 ихъ супруги съ 5-ю маленькими дѣтьми и 93 чукчей обоего пола составляютъ все населеніе резиденціи русской власти въ Чукотской землѣ.

Была половина 12-го, когда я открылъ входную дверь, ведущую въ казарму. Первая комната казармы, отдѣленная маленькой досчатой перегородкой отъ средней комнаты, представляетъ кухню съ плитою и печью. Въ моментъ моего прихода кухня и вторая комната, служащая помѣщеніемъ 9 казаковъ и ихъ женъ и имѣющая около 7 арш. длины, были полны чукчами.

Чукчи, вообще, любятъ толпу, любятъ видѣть новыхъ людей, съ прибытіемъ же парохода прибыли и новые люди, прибыли и новые товары, и новыя вещи. Не нужно думать, что въ

этихъ двухъ комнатахъ было нѣсколько чукчей; нѣтъ, онѣ были буквально заполнены чукчами, чукчанками и чукчатами. Нѣкоторые изъ чукчей сидѣли, нѣкоторые стояли, а нѣкоторые лежали. Нужно замѣтить, что Николай Львовичъ находитъ нужнымъ давать чукчамъ подарки: кусочекъ сахару, кусочекъ хлѣба, листочекъ табаку, блестящую бездѣлушку дѣвушкѣ. Эти ничтожныя подачки, на которыя, однако, уходитъ все личное содержаніе Гондатти, дѣлаютъ его общимъ любимцемъ необъятной тундры и его имя переходитъ изъ устъ въ уста, соединенное, въ глазахъ чукчей, съ понятіемъ о добротѣ, умѣ и справедливости.

По нашему законодательству, чукки управляются своими обычаями. Къ числу важнѣйшихъ обычаевъ относится, между прочимъ, кровавая месть, убіеніе больныхъ и стариковъ. Всякій оскорбленный чукча имѣетъ, по своимъ понятіямъ, полное право убить своего оскорбителя; скажу больше: онъ обязанъ убить его, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ, оскорбленный, не смывшій кровью полученной имъ обиды, пользуется общимъ презрѣніемъ. Кровая месть родовая; отецъ, не успѣвъ выслѣдить и убить своего врага при жизни, умирая, завѣщаетъ не выполненное имъ сыну. Тундра велика; всю жизнь сынъ хранитъ завѣтъ умирающаго отца, но, не успѣвъ выполнить его, завѣщаетъ своему сыну и внуку оскорбленнаго. Убіеніе же больныхъ—есть обычное явленіе въ Чукотской землѣ. Говорить объ этомъ обрядѣ не буду, такъ какъ онъ совершенно подробно описанъ у Реклю.

Само собою разумѣется, что русская власть, въ лицѣ Н. Л. Гондатти, не могла выслушивать заявленій въ родѣ слѣдующаго. Скоро, по прибытіи Гондатти на Анадырь, у него, въ качествѣ учителя чукотскаго языка, былъ чукча, немного говорившій по русски. Этотъ чукча, по имени Кухлянто, сопровождалъ Гондатти во время его поѣздокъ, въ качествѣ каюра. Въ одну изъ ихъ поѣздокъ на торжокъ, онъ заявляетъ Гондатти: „я, капитанъ, тебя брошу; мнѣ нельзя: носовые говорятъ, что въ сосѣднее становище пріѣхалъ мой врагъ и я ѣду его убить". Запретить, удержать чукчу силой, которой, къ тому же, нѣтъ и не можетъ быть въ распоряженіи анадырской администраціи, Гондатти не могъ... Его каюръ направился убивать своего недруга, а представитель русской власти остался среди тундры безъ каюра. Случилось, впрочемъ, такъ, что на этотъ разъ убійство, за нерозыскомъ недруга, не совершилось.

Но этотъ случай произвелъ на Гондатти глубокое впечат-

тѣніе. И вотъ, неутомимо изучая чукотскій языкъ, двѣ зимы, 94 и 95 г., странствуя по тундрѣ, проводя въ юртахъ чукчей цѣлые мѣсяцы, питаясь тою же пищей, которою питаются чукчи, спя на той же постели и въ томъ же пологѣ, въ которомъ спитъ и *совершенно нагая* чукотская семья, Гондатти мало по малу изучилъ чукотскій языкъ, проникъ въ тайну міровоззрѣнія дикаря. Необыкновенно любопытны разсказы Николая Львовича о его жизни въ чукотскихъ юртахъ, о его странствованіяхъ по тундрѣ, о его ночлегахъ на открытомъ воздухѣ, при шестидесятиградусномъ морозѣ. Напечатать эти разсказы не считаю себя вправѣ, такъ какъ эти устные разсказы, которыми меня удостоилъ Николай Львовичъ, создадутъ ему славу, и его имя, какъ одного изъ изслѣдователей полярной страны, посвятившаго ей три лучшихъ года своей молодой жизни, по моему искреннему убѣжденію, будетъ поставлено въ ряду съ именами, украшающими человѣчество: Беринга, Норденшильда и др., имъ равныхъ. Но эти великіе создали свою славу, истративъ огромныя средства. Гондатти же поддерживаетъ честь русскаго имени, не утруждая государство никакими чрезвычайными расходами.

Постигши философію чукчи, Николай Львовичъ начинаетъ дѣйствовать. Отдается въ Маріинскомъ посту и въ Марковѣ приказъ: всякаго чукчу, по какому либо случаю прибывшаго къ Гондатти, накормить, напоить чаемъ, дать какой либо подарокъ. Обращаю вниманіе читателя на то, что на это нѣтъ казеннаго отпуска и, дѣлая все это, Гондатти приказалъ ставить расходъ за его счетъ. Чукчи же превыше всего цѣнятъ ласку и оказываемое имъ уваженіе. По всей тундрѣ, отъ Анадыра до Ледовитаго океана, изъ устъ въ уста распространяется слава русскаго капитана. Маріинскій постъ и Марково дѣлаются популярными. Оленные чукчи, при своихъ зимнихъ перекочевкахъ, не минуютъ русскаго поста и хоть на нѣсколько дней разбиваютъ близъ него свой лагерь. Всѣ, отъ мала до велика, приходятъ въ казарму и всѣмъ, сколько бы ихъ ни пришло, заваривается въ котлѣ чай, дается по юкалѣ и куску хлѣба. Распространяя въ Чукотской землѣ понятіе о Великомъ Русскомъ Царѣ, Гондатти, съ торжественностью, насколько возможно по мѣстнымъ условіямъ, празднуетъ Царскіе дни.

Царскій день празднуется въ Чукотской землѣ такъ: всѣ окрестные чукчи оповѣщаются, что завтра, въ такое то время,

13

въ казармѣ, по случаю Имянинъ Царя, Который послалъ капитана беречь чукчей отъ злыхъ духовъ, будетъ праздникъ.

Нужно сказать, что всѣ болѣзни чукчи, по его понятіямъ, происходятъ отъ дѣйствія разсердившихся на чукчу злыхъ боговъ; Гондатти, какъ естественникъ, постарался, съ точки зрѣнія ученаго, ознакомиться съ чукотской медициной. Многія лекарственныя средства чукчей онъ призналъ вполнѣ раціональными, а потому принялъ къ руководству чукотскую медицину, дополнивъ ее своими учеными познаніями и средствами, выработанными медицинской практикой. Такимъ образомъ, Гондатти, свято соблюдая всѣ чукотскія обрядности при лѣченіи, сдѣлался главнымъ лекаремъ тундры. Судьба, очевидно, покровительствуетъ молодому самоотверженному ученому.

Въ одномъ становищѣ собирались убить безнадежно-больного старика. Зная вѣрованія чукчей лучше любого шамана, Гондатти, выяснивъ обстановку, нашелъ, что убивать сейчасъ нельзя, такъ какъ въ этотъ день богъ, который покровительствуетъ въ такихъ случаяхъ душѣ убиваемаго, находится въ отлучкѣ и что убить больного слѣдуетъ черезъ 4 дня. Доводы показались вполнѣ основательными. Больного не убили и вотъ Гондатти, пользуясь своей аптекой и дорожной фляжкой коньяку, начинаетъ пользовать больного. Къ величайшей радости Гондатти, больной почувствовалъ облегченіе и уже на 3-й день родственникамъ было заявлено, что больной не можетъ быть убитымъ. Больной выздоровѣлъ и съ этого времени слава Гондатти окрѣпла и его сверхъестественная сила была признана чукчами.

Гондатти, посланный Царемъ оберегать чукчей отъ злыхъ силъ и оберегающій ихъ такъ осязательно, укореняетъ въ чукчѣ понятіе о Русскомъ Царѣ, какъ объ источникѣ блага, а потому имя Царя, *только съ 1894 года извѣстное чукчѣ*, произносится съ благоговѣніемъ.

Немудрено, поэтому, что повѣстка о празднованіи Царскаго дня находитъ себѣ живой откликъ у чукчей. Къ назначенному времени Гондатти одѣваетъ мундиръ, вѣшаетъ на грудь своего единственнаго Станислава 3-й степени, одѣваетъ для вящшаго эффекта даже кобуру съ револьверомъ, шнуръ котораго, играя роль украшенія, даетъ чукчамъ больше видимости. Казаки одѣваются въ новые мундиры. Все въ казармѣ

чистится и прибирается. Передъ образами горитъ лампада и зажигается множество восковыхъ свѣчей. Все готово.

Валомъ валятъ чукчи. 3 казака сбиваются съ ногъ, готовя обѣдъ на 200—300 человѣкъ чукчей. Готовятъ въ Царскіе дни рыбу и кашу. Назначенное время настало. Вся казарма переполнена чукчами. Гондатти, когда ему доложатъ, что все готово, выходитъ изъ своей комнаты и объясняетъ чукчамъ причину и значеніе праздника. Всѣ казаки, управляемые Гондатти, весьма стройно, въ чемъ я лично убѣдился, начинаютъ пѣть молитвы. Чукчи, видя все это, слыша пѣніе, о кототомъ ранѣе не имѣли понятія, стоятъ, по разсказамъ казаковъ, не шелохнутся *). Послѣ молитвъ, Гондатти возглашаетъ Государю Императору „ура". Это „ура" подхватывается всѣми чукчами, оглашаетъ собою безмолвную тундру и, среди ея могильный тишины впервые сталъ раздаваться побѣдный кликъ русскаго народа, произносимый во здравіе его Державнаго Вождя.

Послѣ описаннаго парада начинается угощеніе. Особенно почетные старики, чукчи, приглашаются стать съ казаками. И Гондатти, а за его отсутствіемъ его помощникъ, Анкудиновъ, изъ собственныхъ рукъ, подноситъ казакамъ и вызваннымъ къ нимъ чукчамъ по чаркѣ спирту. Всѣ же прочіе чукчи садятся за обѣдъ. Посуду чукчи приносятъ свою. Чинно, въ полномъ порядкѣ, подходятъ чукчи къ котламъ и получаютъ сварившуюся рыбу, кусокъ хлѣба и кашу. Особенно любятъ чукчи кашу. Послѣ ѣды идетъ чаепитіе. Въ Царскіе дни всегда устраиваются атлетическія игры.

По моей просьбѣ, Гондатти, во время моего тамъ пребыванія, устроилъ эти игры, а потому я буду говорить о нихъ какъ очевидецъ.

2-го августа посланный казакъ оповѣстилъ всѣхъ чукчей, что назначены игры; нужно замѣтить, что чукчи очень любятъ быть на народѣ. Все время они проводятъ въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по гостямъ. Зимою же, во время торжествъ, оленные чукчи устраиваютъ бѣгъ оленей: въ этихъ бѣгахъ принимаютъ участіе нѣсколько десятковъ нартъ. Получить призъ,

*) Музыка чукчамъ неизвѣстна. Чукотская пѣсня—это подражаніе голосу нерпы и ея тѣлодвиженіямъ. 2 дѣвушки или парня становятся другъ передъ другомъ, на 1—2 шага, и, двигая, подобно ластамъ морского звѣря, руками, издаютъ хриплые гортанные звуки.

которымъ служитъ берданка или винчестеръ, составляетъ гордость чукчи. Вообще чукчи большіе спортсмэны и относятся къ спорту какъ истые знатоки и любители. Въ то время, какъ посланный казакъ оповѣщалъ чукчей, я съ Анкудиновымъ заготовили призы. Призовъ устраивается 12: три для бѣга мужчинъ, три для бѣга женщинъ и по три для борьбы. Въ составъ призовъ входятъ: кирпичи чаю, сахаръ, табакъ, зеркальце, иголки, ножницы, чашки, котелокъ и пр. Призы не равнаго достоинства: 1-й лучше и дороже. Къ назначенному времени, на мѣстѣ, предназначенномъ для игры, вбивается 6 кольевъ, на которые вѣшаются призы.

Въ 2 часа дня, когда мы съ Гондатти пришли на мѣсто игръ, тамъ уже было множество чукчей; отстали лишь носчики больныхъ, но и тѣ спѣшили не упустить зрѣлища. Призовыхъ бѣговъ и игръ не пропуститъ ни старый, ни малый, ни больной. Больные, возсѣдая на плечахъ здоровыхъ, тоже спѣшили на зрѣлище; на этотъ разъ было принесено четверо больныхъ. Игры начались съ бѣга. Мужчины, принявшіе участіе въ бѣгѣ, прямо изъ юртъ направлялись къ мѣсту, съ котораго начинается бѣгъ; это мѣсто отстоитъ отъ кольевъ, гдѣ онъ кончается, на 3 версты. Женщины же начали бѣгъ съ разстоянія не болѣе $^3/_4$ версты. У кольевъ, группами, расположились чукчи—это были судьи. Присужденіе приза дѣло чрезвычайной важности и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, когда среди чукчей получается разногласіе, конкуррентамъ на призъ предлагается повторить состязаніе. Женщины начали первыя. Въ бѣгѣ приняли участіе 17 женщинъ, изъ коихъ 2, почти дряхлыя старухи, остальныя болѣе или менѣе молодыя. Выстроившись въ шеренгу, онѣ начали бѣжать одновременно. Бѣгутъ чукчанки некрасиво, такъ какъ костюмъ, составляющій одно цѣлое отъ головы до пятокъ, очень неуклюжъ и стѣсняетъ движенія. Первой прибѣжала молоденькая чукчанка. Нужно сказать, что чукчи, вообще, красивы: высокіе, стройные, съ умными, выразительными глазами, они, съ гордо поднятой головой, производятъ прекрасное впечатлѣніе. Чукчи по своей наружности не имѣютъ ничего общаго ни съ гиляками ни съ гольдами. Это народъ прекрасно развитой физически, изъ молодыхъ же женщинъ есть прямо красавицы. Впрочемъ, я особенно не настаиваю на этомъ: понятія о красотѣ условны, но я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что побѣдительница въ бѣгѣ 2 августа, запыхавшаяся и раскраснѣв-

шаяся, подбѣжавъ къ призовому столбу, была положительно красива. Призовъ, какъ я сказалъ, три и преимущество перваго побѣдителя состоитъ въ томъ, что онъ выбираетъ изъ нихъ тотъ, который ему больше нравится. Но чукчанка, прибѣжавшая первой, взяла не первый призъ, а третій, такъ какъ тамъ было зеркальце, а кокетство не чуждо и чукчанкамъ. Взявъ зеркальце въ руку, она долго смотрѣлась въ него и шептала «метеньки», т. е., хорошо; къ чему относилось это «метеньки», къ изображенію ли, видѣнному въ зеркалѣ, или къ самому зеркальцу, рѣшить не берусь.

Въ то время какъ женщины разбирали призы, показались и бѣгущіе мужчины. Отставшіе шли шагомъ; не потерявшіе надежду на призъ, приближаясь къ кольямъ, видимо надрывали послѣднія силы и изъ 30 состязавшихся добѣжали до призового столба лишь 8 человѣкъ; всѣ остальные отстали на болѣе или менѣе значительное разстояніе.

Затѣмъ, тотчасъ по разборѣ бѣговыхъ призовъ мужчинами, началась борьба между женщинами. Чукчанка, лѣтъ 30, огромнаго роста, полногрудая, съ сильно развитыми формами, вышла впередъ и сѣла на корточки, поджидая противницу. Долго сидѣла исполинъ-баба; никто не рѣшался противостать этой чукотской Кунигундѣ. Но всему бываетъ конецъ, а честолюбіе свойственно и чукчамъ: побѣдить великаншу было заманчиво. Выискалась рослая и, повидимому, сильная противница и между ними завязалась борьба. Но великанша скоро отшвырнула соперницу въ сторону и сѣла на нее верхомъ.

Сѣсть верхомъ на побѣжденнаго есть обязательный актъ, свидѣтельствующій безспорную побѣду. Для этого дозволяются всѣ средства, исключая употребленія какихъ бы то ни было приспособленій, какъ, напр., смазываніе кухлянки саломъ, отчего скользятъ руки; такія вещи считаются мошенничествомъ. Въ какомъ бы положеніи противникъ не былъ, но пока побѣдитель не посидѣлъ на немъ верхомъ, борьба считается не оконченной и продолжается до тѣхъ поръ, пока не завершится сказаннымъ актомъ.

На смѣну побѣжденной тотчасъ явилась другая соперница, которая вскорѣ очутилась подъ верхомъ у первой. Побѣдительница торжествовала, и въ то время, какъ она гордо расхаживала по аренѣ, чукчанка, получившая призъ за бѣгъ, отложила зеркальце въ сторону и жадно наблюдала за великаншей. Выступила третья противница, которая, хотя также была побѣжде-

11

на, какъ и ея предшественницы, но долго боролась и великанша, поборовъ трехъ противницъ, почувствовала утомленіе. Лишь только третья противница, сконфуженная, смѣшалась съ толпой, какъ побѣдительница на бѣгахъ немедленно вышла на арену и, не успѣвшая отдышаться отъ предъидущей борьбы, великанша была обвита руками молодой чукчанки. Разсчетъ былъ вѣренъ и борьба съ уставшей великаншей была выиграна. Ловкость дѣвушки была необычайна: подставивъ ножку, она опрокинула свою соперницу и, съ быстротою кошки, усѣлась на нее верхомъ.

Гулъ одобренія прошелъ въ толпѣ чукчей и торжествующая чукотская красавица получила первый призъ за борьбу.

Борьба мужчинъ продолжалась долго и упорно. Мужчины борются полунагіе. Борются истово; спины, царапаемыя ногтями, конечно, неумышленно, скоро покрываются кровью; кровь размазывается по всему тѣлу и видъ крови, какъ мнѣ кажется, удесятеряетъ энергію борцовъ. Зрители принимаютъ живѣйшее участіе въ исходѣ борьбы. Всякая заинтересованная сторона понукаетъ ослабѣвающаго сбодряющими криками. Глядя на зрителей, видишь, какъ они переживаютъ каждый моментъ борьбы; голосомъ, самыми выразительными жестами, они выказываютъ свое душевное волненіе. Одолѣваетъ борецъ противника и чукча сторожитъ вѣроятнаго побѣдителя, вытянувъ шею, нервно дергаетъ руками и говоритъ: «тань-тань», т. е., еще, еще—ну!

Въ Царскіе дни какъ, я выше сказалъ, обязательно устраиваются эти игры. На нихъ сохраняется отмѣнный порядокъ и никогда не бываетъ никакихъ недоразумѣній.

Я остановился на томъ, что первыя двѣ комнаты были переполнены чукчами. Этотъ день, какъ я убѣдился впослѣдствіи, не составляетъ исключенія. Съ ранняго утра и до поздней ночи чукчи толкутся въ казармѣ и Гондатти это любитъ и этому покровительствуетъ.

ГЛАВА VI.

Жизненная обстановка Н. Л. Гондатти.

Я шелъ, какъ было выше сказано, на званый обѣдъ.

Обѣдъ готовился. На плитѣ жарилась рыба, пеклись фаршированные рыбой же пирожки; но сковородка, на которой они жарились, была треснувшая и масло, вытекая со сковороды, падая на раскаленную каменнымъ углемъ плиту, наполняло все помѣщеніе смрадомъ. Выпекавшійся въ русской печи хлѣбъ дополнялъ кухонную атмосферу.

Кое какъ пробравшись сквозь толпу чукчей, я вошелъ во вторую половину, гдѣ помѣщаются казаки.

Снимая пальто и калоши, я разсматривалъ обстановку этой комнаты.

Оклеенная газетной бумагой, съ кое гдѣ развѣшенными картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ и фотографическими снимками, эта комната тускло освѣщалась двумя крошечными оконцами. Нары вдоль одной стѣны, столъ у другой; образа, поставленные въ кіотѣ, передъ которымъ теплилась неугасимая лампада, и пирамида съ ружьями Бердана, револьверами Смита и златоустовскими шашками, исчерпывали всю обстановку этой комнаты.

Маленькая, оклеенная газетами дверь вела въ собственное помѣщеніе Гондатти. Не безъ нѣкотораго волненія открылъ я эту дверь. Помѣщеніе Гондатти состояло изъ одной комнаты, длина и ширина которой одинакова: 8 аршинъ. Эта комната, равно какъ и помѣщеніе казаковъ, оклеена газетами, освѣщается двумя крошечными, не болѣе 2 вершк., окнами, между которыми устроена досчатая стѣнка, отдѣляющая кровать Гондатти отъ кровати его помощника, Анкудинова.

Посреди комнаты стоитъ старая, совершенно выгорѣвшая желѣзная печь, около 2 арш. дл., 1 арш. шир. и $1/2$ арш. высоты. Желѣзная труба, также выгорѣвшая и заржавѣвшая, густо замазанная въ стыкахъ глиной, была пущена по комнатѣ въ два колѣна, предназначаясь для вящшаго нагрѣванія комнаты. Мебель состоитъ изъ двухъ столовъ, не болѣе $1^1/_2$ арш. длины и 1 арш. ширины, предназначенныхъ для письма; одного, меньшихъ размѣровъ стола, служащаго обѣденнымъ, двухъ кроватей, трехъ складныхъ стульевъ, кассы для денегъ и четырехъ сундуковъ для письменныхъ дѣлъ, книгъ и кое какихъ вещей.

Въ моментъ моего прихода вся комната была завалена пятью почтовыми сумами, полученными отъ меня наканунѣ, изъ коихъ три были уже раскупорены и разобраны, а двѣ ожидали своей очереди. Масса пакетовъ, посылокъ, книгъ были разложены на сундукахъ, кроватяхъ, стульяхъ, столахъ.

Гондатти, когда я взошелъ, писалъ, весь заваленный казенными бумагами, да отчетными книгами.

Дни стоянки парохода являются истинной каторгой для Анадырскаго окружнаго начальника. Пароходъ привозитъ за цѣлый годъ почту. Получивъ все сразу, сразу же надо и отвѣтить. Отъ Гондатти требуются различныя свѣдѣнія, къ нему посылаются всѣ циркуляры, всѣ распоряженія, имѣющія, такъ сказать, повсемѣстное значеніе. Немудрено поэтому, что Гондатти, за всѣ тѣ 12 дней, которые я провелъ на Анадырѣ, не спалъ ни одной ночи; нѣтъ, виноватъ, двѣ ночи онъ, къ счастью для него, спалъ, но на то были особыя причины, именуемыя въ законѣ „непреодолимыми препятствіями".

Но не буду предвосхищать событія.

Николай Львовичъ Гондатти встрѣтилъ меня ласково и привѣтливо. Мнѣ сразу, когда я присѣлъ, бросилась въ глаза груда писемъ, груда телеграммъ, со штемпелями: «С.-Петербургъ», «Москва», «Парижъ», «Нью-Іоркъ»,—адресованныхъ ему лично. Эти письма еще не были распечатаны, тогда какъ на полу уже валялась масса разорванныхъ пакетовъ, помѣченныхъ №№-ми и снабженныхъ казенными печатями, а вынутыя изъ нихъ бумаги уже имѣли помѣтки, съ №№-ми входящаго журнала Анадырскаго окружнаго полицейскаго управленія. Я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего удивленія по поводу того, что Гондатти, не читая своихъ личныхъ писемъ, набросился на канцелярскія бумаги.—«Эхъ, батенька, сказалъ Гондатти.

страшно хочется почитать эти письмеца, да развѣ могу я это сдѣлать? Ну, возьмите хотя бы вотъ это письмо—оно отъ моей сестры; видите, какое толстое! Представьте себѣ, что оно, это письмо, принесло мнѣ недобрыя вѣсти? Вѣдь нервы, какіе были, за два года кочевки по тундрѣ немного истрепались. Развѣ я могу поручиться, что я не разнѣжусь? А вотъ письма отъ моихъ друзей, нынѣ профессоровъ университета... Нѣтъ, заключилъ онъ, les affaires avant tout. Я, во 1-хъ, не хочу, чтобы столоначальникъ областного правленія сказалъ, что Гондатти не исполнилъ такой то бумаги и тѣмъ остановилъ всю машину его стола, а во 2-хъ, отъ этого парохода зависитъ все наше годовое существованіе: мнѣ же нужно выгрузить, провѣрить и разсортировать весь товаръ, а это, какъ увидите, не такъ легко; вѣдь вы же видите, что я одинъ. Не подумайте однако, что кто либо изъ моихъ сотрудниковъ, спѣшилъ оговориться Гондатти, не помогаетъ мнѣ; у насъ, во время стоянки парохода, у всякаго свое дѣло, даже наши собачки и тѣ будутъ не безъ дѣла»...

Когда Гондатти говорилъ все это, въ комнату вошелъ командиръ парохода. Стали накрывать на столъ. Подали соленые брюшки чавычи, консервированное масло, хлѣбъ и шесть редисокъ. Эти редиски, выращенныя въ этомъ году, послѣ многихъ хлопотъ, на Анадырскомъ лиманѣ, были единственною, какъ говорилъ мнѣ Гондатти, его радостью за два года. Нужно ли говорить, съ какимъ чувствомъ мы, ставъ закусывать, взяли эти редиски, оказавшіяся очень вкусными и сочными. Эти редиски были первымъ растеніемъ, взращеннымъ человѣкомъ на Анадырскомъ лиманѣ. Подали уху, сваренную изъ отборныхъ частей чавычи, преимущественно молокъ и головокъ; къ ухѣ подали горячіе пирожки.

Во время обѣда Гондатти и Анкундиновъ возсѣдали на сундукахъ, а насъ, пароходныхъ, какъ гостей, посадили на складныхъ стульяхъ. Командиръ парохода, много слышавшій о Гондатти еще въ Владивостокѣ, былъ очень изумленъ его обстановкой. Хотя онъ, изъ деликатности, ничего не спрашивалъ, но недоумѣніе, свѣтившееся въ его глазахъ было очевидно и всѣмъ понятно. Выпивъ же изрядное количество коньяку, нашъ морякъ сдѣлался смѣлѣе и спросилъ Гондатти, какъ онъ, русскій губернаторъ Анадырскаго края, живетъ такъ мизерно?

На это Гондатти сказалъ датскому капитану, что эта его

резиденція—временная, главная же его квартира находится въ Марковѣ, въ 800 вер. отсюда, и что тамъ у него и домъ, и мебель, и все необходимое. Это объясненіе совершенно удовлетворило иностранца.

На второе блюдо подали жареную рыбу и обѣдъ былъ запитъ двумя бутылками «редерера».

Тотчасъ послѣ обѣда, выпивъ стаканъ чаю, Гондатти, извинившись передъ нами, гостями, усѣлся писать, а мы съ командиромъ отправились погулять. При нашихъ бесѣдахъ выяснилось, что фактъ выноса съ парохода спирту уже извѣстенъ капитану и онъ сказалъ, что имъ приняты всѣ мѣры, чтобы это не повторилось. Я поблагодарилъ.

Разговаривая, мы подходили къ юртамъ чукчей. Возлѣ одной юрты, въ кружекъ, на животахъ, лежала группа чукчей, человѣкъ 10. Манипуляціи этой группы были какія то особенныя. Мы съ капитаномъ подошли. Зрѣлище, увидѣнное нами, было достойно кисти художника. Оказалось, что чукчи ухитрились таки достать бутылку спирту. Драгоцѣнную влагу моментально выпили. Но запахъ спирта въ бутылкѣ былъ и мы застали чукчей, поочредно, съ неописуемымъ наслажденіемъ нюхающими бутылку. Право нюхать и время, даваемое на это право, было раздѣлено по братски. Никто не нюхалъ болѣе положеннаго срока. Но за то тотъ, до кого доходила очередь, нервно дрожалъ, въ ожиданіи, хоть носомъ, извѣдать желанную, но, увы, запретную жидкость. Съ мольбой, не поддающейся описанію, старикъ чукча, указывая на бутылку, знаками выяснилъ мнѣ свое страстное желаніе выпить... Мольба чукчи была такъ заразительна, онъ, видимо, такъ желалъ выпить, что я рѣшилъ удовлетворить страстной просьбѣ старика. Мнѣ нужно было кое что сдѣлать на пароходѣ; капитанъ, знаками и голосомъ, требовалъ шлюпку; но его, видимо, не слышали. Я предложилъ капитану отправиться на байдарѣ, а чукчамъ, нюхавшимъ бутылку, объяснилъ знаками, чтобы они достали байдару и свезли меня и капитана на пароходъ и обѣщалъ, знаками же, что дамъ имъ выпить. Мгновеніе и байдара была близъ берега. Меня и капитана на рукахъ внесли въ воду. Восемь чукчей сѣли на весла и наша байдара, съ быстротою парового судна, пристала къ трапу. Капитанъ, и самъ заинтересованный, охотно далъ мнѣ бутылку спирту. Съ бутылкой и рюмкой въ рукахъ я вышелъ къ борту и, показавъ чукчамъ, пригласилъ ихъ на пароходъ. Съ быстротой, точно спасаясь отъ смертельной

опасности, чукчи стали выскакивать изъ байдары на трапъ. Но трапъ былъ узокъ; двумъ человѣкамъ не пройти, а потому двое заднихъ не могли выждать своей очереди и полѣзли на пароходъ по спущеннымъ съ борта веревкамъ. Ближе всѣхъ стоялъ ко мнѣ старикъ, просьба котораго такъ меня разжалобила и я далъ ему рюмку въ руку. Не думаю, чтобы кто нибудь когда либо ожидалъ чего съ такимъ страстнымъ нетерпѣнiемъ, какъ ожидали чукчи, пока я вынималъ изъ бутылки пробку. Но вотъ пробка вынута: облизываясь, смотря на меня необычайно масляными глазами, бурча мнѣ какiя то чукотскiя ласковыя слова, подставилъ старикъ чукча рюмку и я ее наполнилъ спиртомъ. Съ величайшей бережностью, поддерживая донышко лѣвой рукой, поднесъ чукча рюмку ко рту и началъ медленно, испытывая, вѣроятно, неописуемое наслажденiе, пить. Втягиваемое онъ, однако, не проглатывалъ тотчасъ, а нѣкоторое время держалъ во рту. Наконецъ, въ рюмкѣ осталось лишь нѣсколько капель спирту и я хотѣлъ, было, взять рюмку, но, энергичнымъ жестомъ правой руки, чукча отстранилъ меня, а лѣвой, въ то же время, вынулъ изъ за пазухи кожаный мѣшечекъ и, вытащивъ оттуда нѣсколько листочковъ табаку, вылилъ остававшiяся капли на табакъ.

Табакъ, смоченный каплей спирту, уже не употребляется для обычнаго назначенiя—куренiя или жеванiя. Эти драгоцѣнные листочки чукча въ теченiе долгаго времени нюхаетъ, когда же запахъ спирту изсякаетъ, то отсутствiе его дополняется воображенiемъ и сознанiемъ, что хотя теперь нѣтъ запаха, но было то блаженное время, когда эти листики табаку услаждали обонянiе чукчи: такiе листочки, какъ нѣчто заслуженное, долго сохраняются у чукчи, служа ему источникомъ самыхъ сладостныхъ воспоминанiй. Всѣ другiе чукчи, такъ же какъ и первый и съ такимъ же наслажденiемъ выпивали свои порцiи, а остававшiяся въ рюмкѣ капли выливали на табакъ.

Наконецъ, уже всѣ чукчи обнесенны, но они переминаются и, видимо, желаютъ выпить еще. Въ бутылкѣ оставалось еще нѣсколько капель, но раздавать по второй рюмкѣ было нечего. Я показалъ, чтобы они открыли свои мѣшечки съ табакомъ и сталъ по очереди вливать туда спиртъ. Послѣднему изъ чукчей досталось много: когда я наклонилъ бутылку вертикально, то оттуда сразу вылилось такъ много спирту, что часть его пролилась на бортъ. На эти пролитыя капли чукчи бросились такъ же, какъ близъ мясной лавки собаки бросаются на капли

8

крови. Владѣлецъ же послѣдняго мѣшечка, видя, что спиртъ протекаетъ на полъ, сталъ сосать мѣшокъ, ни мало не смущаясь, что сосетъ спиртовую вытяжку табака.

Послѣ этого старикъ выпросилъ у меня пустую бутылку и, размахивая ею, какъ побѣднымъ трофеемъ, сошелъ съ парохода и сѣлъ на парусъ у байдары, а слѣдомъ за нимъ сошли съ парохода и всѣ мои гости. Видъ бутылки, которую старикъ держалъ въ рукѣ, обратило вниманіе всего поста. Со всѣхъ сторонъ бѣжали чукчи къ мѣсту причала байдары. Бутылка великодушно была уступлена другимъ, а всѣ побывавшіе на пароходѣ и угощенные мною стали, какъ казалось съ парохода, цѣловаться съ береговыми.—Это выпившіе, своимъ дыханіемъ, имѣющимъ нѣкоторый запахъ спирта, угощали невыпившихъ. Этотъ обычай, какъ мнѣ говорили, всегда соблюдается чукчами.

Было уже два часа дня, когда чукчи уѣхали съ парохода. Команда, исключая вахтеннаго, улеглась отдыхать. Дѣло, за которымъ я пріѣхалъ, было исполнено. Скучно на кораблѣ. Пронизывающій холодомъ вѣтеръ, начавшійся съ утра, погналъ тучи, которыя нависли надъ самой землей. Въ воздухѣ стояла какая то мгла. Сталъ накрапывать дождь. Тоскливо кричали чайки, сердито шумѣли анадырскія волны. Странная тоска одолѣла меня и я рѣшилъ во что бы то ни стало съѣхать на берегъ и отправиться къ Гондатти.

Лишь около семи часовъ вечера мнѣ удалось получить шлюпку, съѣхать на берегъ и прійти въ казарму. Когда я вошелъ въ комнату Николая Львовича, въ ней царилъ полумракъ. Сырой ненастный день заставилъ, несмотря на іюль мѣсяць, затопить желѣзную печь. Эта печь, затопленная каменнымъ углемъ, не имѣя къ тому никакихъ приспособленій, наполнила всю комнату дымомъ и смрадомъ. Въ чаду отъ дыма чугунки и отъ смрада плиты, на которой жарилась рыба, сидѣлъ Н. Л. и записывалъ во входящій журналъ поступившія бумаги. Эта атмосфера дѣлалась для меня невыносимой. Но Гондатти невозмутимо разбиралъ бумаги. На мое замѣчаніе, какъ онъ можетъ выносить такую атмосферу, онъ сказалъ: «Что вы, батенька, вѣдь это же благодать: зимою—ну, дѣйстви-

тельно не важно. Теперь можно и пройтись; одѣтъ легко, члены не костенѣютъ, дышешь свѣжимъ воздухомъ, питаешься свѣжей рыбкой. А вотъ когда вы уѣдете, у насъ пойдетъ на зиму; пойдетъ по Анадыру шуга, начнутся сѣверные вѣтры, выпадетъ снѣгъ и наступитъ наша *анадырская зима*. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы уже занесены снѣгомъ, а въ ноябрѣ наступаютъ пятидесяти градусные морозы и начинаются пурги... Тогда—да!... Теперь вотъ топится каминокъ; правда, хоть и дымитъ, но за то тепло. А зимою цѣлый день мы его топимъ, цѣлый день обрѣтаемся въ дыму и смрадѣ, но наша хата, какъ изволите видѣть, сквозитъ со всѣхъ сторонъ, хотя, для порядка, и обложена дерномъ. И вотъ по цѣлымъ днямъ мы топимъ чугунку, но никогда не случалось, чтобы мы нагнали тепла болѣе 7°, и то къ вечеру. Съ момента появленія снѣга мы облекаемся въ двойную кухлянку и никогда уже за всю зиму не снимаемъ ее. Состояніе скверное: что либо дѣлать нельзя, ибо костенѣютъ руки. Писать, напр., руками совсѣмъ нельзя, а такъ какъ человѣкъ ко всему примѣняется, то я, въ экстренныхъ случаяхъ, пишу зубами(?). Мы заканчиваемъ нашъ зимній день чаепитіемъ. Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе держать въ рукахъ горячій стаканъ чаю! но когда мы пьемъ чай, то сидимъ точно въ облакахъ и другъ друга не видимъ; вся комната наполняется густымъ паромъ при которомъ меркнутъ свѣчи и лампа. Послѣ чаю мы ложимся спать. Кухлянокъ, торбасовъ конечно не снимаемъ и, кромѣ двухъ песцовыхъ одѣялъ, закутываемся нѣсколькими медвѣжьими шкурами. Тяжело было, по первоначалу, засыпать подъ такой грудой. Да иначе нельзя... Когда мы уляжемся, скоро погасаетъ чугунка; бывшее, во время ея топки, тепло скоро улетучивается и, часа черезъ два-три, температура наружнаго воздуха и температура помѣщенія окружнаго начальника почти уровновѣшиваются. Стѣны жилья, звѣриныя шкуры, подъ которыми мы лежимъ, покрываются инеемъ, а иногда и ледяными сосульками. Грѣемся собственнымъ дыханіемъ, вдыхая міазмы отъ звѣриныхъ шкуръ, ибо высунуть изъ подъ нихъ голову нельзя: это сопряжено съ рискомъ отморозить носъ и уши...

«Я, продолжалъ мнѣ свою повѣсть Гондатти, когда читалъ «Хозяина и Работника», подумалъ, что Толстой побывалъ на Анадырѣ и лично испыталъ тѣ грезы, которыя являются застывающему человѣку. Случается, что въ наши лютыя зимнія ночи и я вижу, что хочу пойти, но мои калоши пристали къ по-

лу и я не могу двинуться... Проснешься и видишь, что нога высунулась изъ подъ шкуры и начала стынуть. Самоварчикъ нашъ вечерній, если мы его оставимъ съ водой, замерзаетъ за ночь такъ, что вся вода превращается въ сплошную глыбу льда. Къ утру наша казарма, по своей температурѣ, почти не отличается отъ тундры. Скверное чувство подыматься съ постели: какъ-никакъ, а подъ безчисленными шкурами согрѣешься... а тутъ сразу на морозъ. Ну, да одинъ морозъ еще не бѣда, а вотъ какъ пойдетъ дѣло на пургу, тогда еще хуже. Здѣшнія пурги бываютъ по 3, по 4 недѣли сряду. Мы, поэтому, всегда готовы: у насъ, тутъ же въ казармѣ, складъ льда для воды, дровъ для подтопки и каменнаго угля для топлива.

«Наша пурга, въ какіе нибудь 6—10 часовъ заноситъ всю казарму до оконъ. Если она началась съ вечера, то къ утру мы лишь по часамъ узнаемъ, что долженъ быть свѣтъ, ибо окна заносятся огромнымъ слоемъ снѣга, который, утолщаясь съ каждымъ часомъ, доходитъ черезъ 2—3 дня до 2—3 саженей толщины. Три дня пурги абсолютно лишаютъ насъ свѣта и у насъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, горятъ неугасимыя лампы. А въ прошломъ году случилось, что всѣ наши часы испортились и мы различали день отъ ночи по догадкамъ. Выйти изъ казармы безусловно нельзя и бывали случаи, что вышедшій, отойдя отъ казармы нѣсколько шаговъ, особенно ночью, въ случаѣ перемѣны вѣтра, заблуждался и приходилось принимать чрезвычайныя мѣры къ розыску заблудившагося. Такъ мы пургу и сидимъ, не видя свѣта, не дыша свѣжимъ воздухомъ, въ теченіе 3—4 недѣль».

Пока Николай Львовичъ повѣтствовалъ мнѣ о зимнихъ годахъ Чукотской земли, въ казармѣ становилось темно. Подали лампу; лампа, бывшая когда то хорошей, была подана съ отколотымъ стекломъ; огонекъ маленькій, а когда я попробовалъ прибавить его, то лампа закоптила. «Нѣтъ, ужъ, сказалъ Гондаття, Вы лучше не троньте: сейчасъ подадутъ свѣчи». Подали двѣ свѣчки и въ комнатѣ стало свѣтло.

А въ казарму, между тѣмъ, стали собираться казаки, въ кухнѣ готовился ужинъ, какъ для казаковъ, такъ и для Гондатти.

Кухонный смрадъ дѣлался ощутительнымъ, казачьи дѣти, числомъ пять, укладываемыя матерями спать, подняли ужасный плачъ. Этотъ плачъ дѣтей, убаюкиваніе ихъ матерями, говоръ казаковъ и чукчей, перебранка между двумя казачками изъ за разбитой

тарелки были слышны въ помѣщеніи Николая Львовича такъ же отчетливо, какъ еслибы весь этотъ гамъ и шумъ происходилъ тутъ же, у самаго уха.

Гондатти, однако, это не безпокоило. Живя въ такой обстановкѣ два года, онъ привыкъ и къ плачу дѣтей, и къ стону больныхъ, и къ перебранкѣ горластыхъ казачекъ.

ГЛАВА VII.

Дѣятельность Гондатти въ дни стоянки парохода.

Подали чай. Выпивъ два стакана, Николай Львовичъ сѣлъ заниматься. Къ нему поступила масса бумагъ. Однѣ бумаги увѣдомляли его о высылкѣ такихъ то вещей и денегъ, другими запрашивалось о количествѣ чиновъ запаса, пребывающихъ въ Анадырской округѣ, третьими требовался розыскъ бѣжавшихъ солдатъ, розыскъ уклоняющихся отъ суда и слѣдствія.

Почта, полученная Гондатти, была различнаго сорта: въ постъ-пакетѣ на имя Анадырскаго окружнаго начальника находилась корреспонденція, адресованная на Командорскіе о-ва, въ Гижигу и въ Херсонскую губернію; въ числѣ полученной почты находились пакеты со штемпелемъ 91 года. Владивостокская почтовая контора прислала также и ту повѣстку, которою, въ прошломъ году, Гондатти приглашался прибыть въ контору за полученіемъ присланнаго на его имя пакета на 125 руб. Не имѣя возможности прибыть во Владивостокъ лично, Гондатти довѣрилъ полученіе пакета одному лицу, но когда это лицо пришло получить пакетъ, то оказалось, что пакетъ, за неприбытіемъ адресата въ 6-ти мѣсячный срокъ, отправленъ обратно. Отправивъ пакетъ обратно, Владивостокская контора сочла нужнымъ, надписью на повѣсткѣ, увѣдомить о семъ Гондатти. Нужно замѣтить, что Анадырское окружное полицейское управленіе есть, въ то же время, и почтовое отдѣленіе.

Гондатти разбиралъ бумаги, а я, посидѣвъ немного, сталъ откланиваться. Въ сопровожденіи 4-хъ казаковъ, порученныхъ мнѣ въ перевозчики, я отправился на берегъ. Подоплыть до парохода нечего было и думать. Вѣтеръ, дувшій, какъ я сказалъ, съ утра, къ вечеру усилился. Вечеръ былъ темный; за-

выванія вѣтра, аккомпанируемыя грознымъ шумомъ моря, убила во мнѣ рѣшимость плыть на пароходъ. Я возвратился въ казарму.

«Я такъ и зналъ, что вы вернетесь, сказалъ Гондатти; ну, располагайтесь какъ хотите, а мнѣ некогда. Я взялъ книжку, но буквы мелькали у меня передъ глазами и я не понималъ прочитаннаго: я весь былъ подъ впечатлѣніемъ видѣннаго и слышаннаго... Въ 9 часовъ, на два сундука, поставленные рядомъ, были постланы шкуры; ихъ закрыли простыней, дали мнѣ подушку и я легъ. Спалъ я хоть тревожно, но все же спалъ, что же касается Гондатти, то онъ всю ночь не смыкалъ глазъ. Эта безсонная ночь —была, по счету, вторая. Какъ сѣлъ Гондатти за бумаги съ вечера, такъ и всталъ съ мѣста утромъ лишь для того, чтобы, умывшись, снова приняться за работу.

Въ этотъ, 2-й, день нашей стоянки на Анадырскомъ рейдѣ Гондатти рѣшилъ начать разгрузку. Проработавъ $1^1/_2$ сутокъ надъ бумагами и всякими накладными и коносаментами, онъ привелъ въ ясность весь грузъ, который прибылъ, и сдѣлалъ распоряженіе куда что класть. Это очень важно, ибо складъ одинъ, а половина груза идетъ въ Марково. Сложивъ, что называется, безъ толку, разобраться было бы трудно, а время, между тѣмъ, не терпитъ. Если товаръ не отправить въ Марково 2-го августа, то онъ не дойдетъ по назначенію.

Въ 6 часовъ утра стали подыматься казаки. Умывшись, напившись чаю, въ $6^1/_2$ час. утра, они стали на молитву. Молитвы пѣлись хоромъ и очень стройно. Послѣ молитвы старшій въ командѣ пришелъ въ комнату Гондатти съ рапортомъ: рапортъ былъ принятъ стоя: выслушавъ рапортъ, Гондатти отдалъ приказаніе сплавлять баржу къ пароходу и начинать пріемку товара.

Баржа, буксируемая весельной лодкой, медленно потянулась по бухточкѣ, а часа черезъ два пристала къ пароходу.

Нужно ли говорить, что причалить баржу къ пароходу было дѣломъ очень не легкимъ: въ то время какъ баржа плыла, ясная, тихая погода смѣнилась вѣтромъ, задувшимъ съ моря. Рѣка, встрѣчая противный вѣтеръ у самаго устья, дѣлается бурлива. Когда явилась возможность приступить къ разгрузкѣ, то волненіе усилилось до того, что выгружать муку, какъ то приказалъ Гондатти, было нельзя: баржа захлестывалась волной. Стали сгружать каменный уголь и ящикъ съ посудой, желѣзомъ и прочими, не боявшимися подмочки, товарами.

5

Къ вечеру, часамъ къ 5-ти, баржа пришла вторично. Стало тихо и баржа нагружалась мукой. Грузятъ на баржу, при пріемкѣ товаровъ съ парохода, никакъ не болѣе, 500 пудовъ; большее количество было бы слишкомъ трудно выгрести.

Нагруженная баржа собиралась отчалить отъ борта.

Капитанъ парохода попросилъ меня непремѣнно пригласить Гондатти на пароходъ «тринкенъ ейнъ венигъ те megaундъ ейнъ венигъ вайнъ». Я исполнилъ усердную просьбу капитана и написалъ Гондатти письмо. Около 8 час. вечера, на чукотской байдарѣ, прибылъ Гондатти. Входя на пароходъ, онъ объявилъ, что пробудетъ на пароходѣ не болѣе часу. Сервировали чай; были поданы консервированные фрукты, вино и шампанское.

Но пока мы, въ каютъ-компаніи, пили чай, погода свѣжѣла. Пароходъ слегка качнуло; толчекъ повторился еще и еще. Качка дѣлалась сильнѣе и надъ Анадырскимъ лиманомъ стала розыгрываться настоящая буря. Гондатти, не смотря на огромныя волны, которыя, яростно разбиваясь о пароходъ, обдавали брызгами всю палубу, хотѣлъ съѣхать на берегъ, но командиръ сказалъ: «Гондатти! я старый и опытный морякъ. Послушайте меня: теперь никакая шлюпка не выгребетъ и, кромѣ того, Вы на суднѣ и я не разрѣшаю Вамъ сойти съ трапа». Гондатти покорился необходимости.

А буря, между тѣмъ, крѣпчала. Пароходъ начало швырять такъ серьезно, что командиръ, памятуя многочисленныя мели и камни на фарватерѣ Анадырскаго лимана, приказалъ бросить въ воду второй запасный якорь. Но этого оказалось мало. Ревъ вѣтра, свистъ его по корабельнымъ снастямъ, грозный шумъ разъяреннаго моря были такъ внушительны, что даже капитанъ, видавшій за 42 года своей морской службы всякіе виды, нашелъ нужнымъ прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ: пароходу, стоящему въ гавани, было приказано развести полные пары, а вся команда была поставлена на вахту.

Буря, сопровождаемая сильнѣйшей качкой парохода, продолжалась около двухъ сутокъ. Моряки, въ одинъ голосъ, говорили, что они нигдѣ въ мірѣ не видѣли такой рѣки и такого лимана и что они предпочитаютъ любой штормъ въ открытомъ морѣ, чѣмъ якорную стоянку въ Анадырскомъ лиманѣ. Я же благословляю судьбу, пославшую эту бурю: эта буря, задержавъ Гондатти на пароходѣ 40 часовъ, дала мнѣ возможность

бесѣдовать съ нимъ, а эта бесѣда дала мнѣ тотъ матеріалъ, изъ котораго составлена моя настоящая книжка. Что же касается Гондатти, лишеннаго всякой возможности возвратиться къ своимъ дѣламъ, то ему эта буря дала возможность проспать двѣ ночи. Эти двѣ ночи, проведенныя имъ на пароходѣ, были единственными изъ всѣхъ 12-ти, которыя онъ спалъ во время стоянки парохода.

На пятый день нашей стоянки, уже стояла прекрасная погода и пароходъ продолжалъ безостановочно разгружаться. Баржи успѣвали по три раза въ день доставлять товаръ съ парохода въ складъ. Работа кипѣла. Дошла очередь и до груза, купленнаго, согласно просьбы Гондатти, у одной видной на Амурѣ фирмы. Въ составъ этого груза входили различныя матеріи, различные колоніальные и москательные товары.

Въ этотъ день я пришелъ къ Гондатти около 2 час. дня. Тюки съ товарами, выписанными Гондатти, были только сгружены. Полученные тюки было нужно немедленно разсортировать, да кстати и провѣрить. Ящики и тюки стали вскрывать. Каково же было мое изумленіе, когда въ тюкахъ, въ перемежку съ товарами, оказались кедровые чурбаны, изъ коихъ одинъ былъ болѣе 1 пуда вѣсомъ. Всѣ тюки, всѣ ящики съ маркой почтенной на Амурѣ фирмы оказались содержащими, въ числѣ товаровъ, и дрова. Но выславъ дрова, фирма, на такое же количество по вѣсу, не дослала товаровъ и разница накладной и фактической погрузки выразилась довольно серьезной цифрой, въ нѣсколько сотъ рублей.

Убытокъ въ деньгахъ, будетъ, конечно, восполненъ, такъ какъ объ этомъ грустномъ фактѣ составленъ узаконенный актъ, который, будучи подписанъ всѣми присутствующими, а въ томъ числѣ и мною, представленъ г. Приморскому губернатору. Но суть здѣсь не въ деньгахъ, которыя на Анадырѣ не имѣютъ значенія: если товаръ не доставленъ съ пароходомъ, то достать его безусловно нельзя. Къ искреннему сожалѣнію, въ число недосланныхъ товаровъ попали и такіе, которые имѣютъ первенствующее жизненное значеніе.

Этотъ грустный фактъ произошелъ потому, что лицо, на котораго губернаторъ возложилъ наблюденіе за заготовкой запасовъ для Анадырскаго края, довѣрилось торговой фирмѣ; торговая фирма довѣрилась рабочимъ, которые, затюковывая заказъ, вмѣсто отпущенныхъ товаровъ, положили дрова. Но, къ счастью

для Гондатти, по моемъ прiѣздѣ въ Владивостокъ, оказалось возможнымъ выслать ему въ Гижигу все, въ чемъ онъ нуждался, а доставленный мною актъ о вскрытiи тюковъ и объ оказавшихся тамъ дровахъ принятъ заступавшимъ мѣсто губернатора Приморской области, д. с. с. Яковомъ Павловичемъ Павленко, близко къ сердцу и, какъ я слышалъ, къ выясненiю причинъ этого случая и къ примѣрному взысканiю съ виновныхъ приняты, по распоряженiю Его Превосходительства, самыя энергичныя мѣры.

На седьмой день нашей стоянки весь товаръ, высланный въ адресъ Гондатти, былъ полученъ и свезенъ на берегъ. Всѣ запасы, заготовленные интендантствомъ, оказались высокаго качества и свидѣтельствовали о томъ, что все было послано заботливо: даже мѣшки были новенькie, чистенькie. Всѣ мѣста, мѣрою и вѣсомъ, соотвѣтствовали накладнымъ.

Покончивъ съ пароходомъ, Гондатти сталъ грузить баржу въ Марково.

31-го iюля, въ 6 час. вечера, нагруженная баржа готовилась уже тронуться въ путь, но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство. Въ ночь съ 31 iюля на 1 августа сильный вѣтеръ, задувшiй съ моря, прiостановилъ теченiе верхняго слоя воды. Бухточка, въ которой стояла баржа, имѣетъ свойство наполняться водою и мелѣть періодически: въ часы прилива она полна водой и судоходна, въ часы отлива она мелѣетъ, дѣлаясь къ концу его совершенно сухой. Въ эту ночь бухточка неожиданно наполнилась водой, которая, подхвативъ баржу, понесла ее на якорный стержень, пробившiй ея дно. Къ счастью, Гондатти не спалъ. Аварiя баржи была тотчасъ замѣчена и началась поспѣшная ея разгрузка.

Нужно сказать, что въ первый же годъ пребыванiя Гондатти въ Анадырскомъ краѣ, баркасъ, на которомъ онъ плылъ въ Марково, сѣвъ на камень, потерпѣлъ крушенiе. Много вещей и денегъ погибло тогда у Гондатти, а онъ самъ, пробывши нѣсколько дней въ мокрой одеждѣ, смѣнить которую было нечѣмъ, проболѣлъ и былъ готовъ, какъ онъ разсказывалъ мнѣ, отправиться за д—ромъ Гринивецкимъ, похороненнымъ на пустынномъ берегу Анадыра, въ 120 верстахъ отъ устья рѣки.

На могилѣ перваго Анадырскаго начальника нынѣ, попеченіемъ Гондатти, сооруженъ памятникъ.

Въ числѣ вещей, погибшихъ въ это крушеніе, находились: между прочимъ, различные научные инструменты, фотографическіе принадлежности, а главное—погибли замѣтки Гондатти о его путешествіяхъ на Новую Землю, на устье Оби, на о. Цейлонъ, въ Остъ-Индію, Китай, Японію и Америку, которыя онъ совершилъ съ научною цѣлью по порученію различныхъ ученыхъ учрежденій и которыя онъ собирался издать.

На этотъ разъ случилось почти то же. На самое дно баржи былъ нагруженъ каменный уголь и желѣзо; на уголъ были поставлены сундуки съ письменными дѣлами, съ вновь полученными фотографическими принадлежностями, матеріями и проч. Мука, соль, сахаръ, чай, къ счастью, были сложены наверху, а потому обильно поливпаяся въ пробоину баржи вода подмочила все, кромѣ съѣстного.

Когда я подошелъ къ казармѣ, то увидѣлъ возлѣ казармы и въ казармѣ развѣшенныя для просушки подмоченныя матеріи, разложенныя мокрыя книги и бумаги. Не скажу, чтобы Гондатти былъ опечаленъ этимъ событіемъ. Его, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ нельзя вывести изъ его обычнаго настроенія. Дрова ли вынимаютъ изъ тюковъ, онъ острить надъ догадливостью и предупредительностью купцовъ, знающихъ, что на Анадырѣ дровъ нѣтъ и любезно восполняющихъ этотъ недостатокъ.

Баржа разбилась и товаровъ попортилось не менѣе какъ на 600 руб., но Гондатти, даже и работая съ казаками плечо въ плечо, находилъ возможнымъ острить: выписалъ онъ себѣ черные часы за 40 руб., которые показывали фазы луны и дни мѣсяца и недѣли; держа часы въ рукахъ, онъ наблюдалъ за обильно стекающей съ нихъ водой и балагурилъ, „вотъ, законы гигроскопичности на Анадырѣ можно изучить основательно: посмотрите—маленькіе часы, а какъ много забрали воды": а вода изъ часовъ такъ и струилась.

Каминъ топился во всю, но на высушку не было времени: 3-е августа есть крайній срокъ, въ который можно отправлять караванъ въ Марково. Едва просохшіе товары и письменныя дѣла вновь сложили въ ящики и нагрузили въ баржу, законопаченную лично самимъ Гондатти.

Вечеромъ 2-го августа вторичная нагрузка баржи была закончена.

3

Въ ночь съ 2-го на 3-е я ночевалъ въ казармѣ. Въ эту ночь, какъ говорилъ Гондатти, онъ долженъ былъ закончить служебныя дѣла, а на другой день приняться за свои личныя.

Послѣ вечерней молитвы казаковъ и рапорта старшаго, Гондатти приказалъ поставить вахтеннаго на баржу, къ 6-ти часамъ приготовить собакъ и юколу для ихъ, къ 6½ приготовить завтракъ, а въ 7 стать на общую молитву, послѣ которой немедленно отваливать. До 11 часовъ ночи въ казачьей половинѣ шли сборы и Гондатти и эту ночь, такъ же какъ и всѣ прочія, не спалъ ни одной минуты.

Я дивился силамъ этого человѣка, но, полагаю, сознаніе необходимости есть сила, удесятеряющая обыкновенныя силы человѣка. Не спавши всѣ ночи, не переставая работать ни на одну минуту, онъ едва едва управился съ казенными дѣлами 3-го августа, къ 5 час. вечера.

А 4-е августа былъ конечный срокъ стоянки парохода въ Анадырскомъ лиманѣ.

ГЛАВА VIII.

Послѣдніе сутки на Анадырскомъ лиманѣ. Что сдѣлалъ Гондатти въ Чукотской землѣ.

3-го августа, въ 5 часовъ утра, послышался визгъ ѣздовыхъ собакъ, ловимыхъ съ воли и привязываемыхъ на баржѣ. Въ 5 $^{1}/_{2}$ часовъ всѣ уже были на ногахъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ. За чаемъ Николай Львовичъ давалъ наказъ Анкудинову, отправлявшемуся начальникомъ баржи.

Было видно въ окно, какъ привязанныя собаки, желая сбросить съ себя алыкъ и выбраться на волю, рвались и метались. Но алыкъ крѣпокъ и умныя животныя поняли, что имъ не сорваться; положивъ свои мохнатыя мордочки на бортъ баржи, они покорились своей участи.

Безъ 5 минутъ въ 7 часовъ передъ комнатнымъ образомъ были затеплены восковыя свѣчи; казаки пріодѣлись въ форму; надѣлъ форму и шашку и самъ Гондатти.

Ровно въ 7 часовъ Гондатти доложили, что все готово. Выйдя и поздоровавшись, Гондатти сказалъ: „ребята, путь вамъ длинный, рѣка бурная. Помощникъ у насъ одинъ Господь Богъ; помолимся ему“.

Запѣли „Царю Небесный“.

Обстановка, при которой съ истиннымъ чувствомъ пѣлись святыя мотивы, была такова, что, думаю, какой бы націи, какой бы вѣры, какихъ бы убѣжденій не попалъ сюда человѣкъ, но онъ проникся бы молитвеннымъ настроеніемъ маленькой горсточки людей, заброшенныхъ въ страну далекую, въ страну суровую и пустынную; въ страну, въ которой разсчитывать на чью либо помощь, кромѣ помощи „Жизни Подателя“, трудно, а пожалуй и невозможно. Я, по крайней мѣрѣ, никогда не забуду

того могучаго впечатлѣнія, которое произвела на меня эта молитва полудикарей-казаковъ и русскаго ученаго. Молились полчаса. Съ послѣднимъ аккордомъ церковной пѣсни „Подъ Твою милость прибѣгаемъ“, Гондатти, съ словами: „ну, дай Богъ — въ добрый часъ“, приказалъ отваливать.

Порядокъ былъ изумительный; все дѣлалось, точно разыгрывалось по нотамъ; 5 минутъ и всѣ были на мѣстахъ. Вытянутъ якорь, поднятъ на бортѣ флагъ и анадырская флотилія тронулась.

Мы съ Гондатти проводили баржу до того мѣта, гдѣ она, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, наставивъ паруса, скоро отплыла отъ насъ на столько, что люди, сидѣвшие на баржѣ, и собачки, предназначенныя для бурлаческой службы, смѣшались въ одинъ темный контуръ, скользившій по поверхности рѣки. Скрылась баржа изъ вида и мы съ Гондатти возвратились обратно въ казарму.

Казенныя дѣла Гондатти еще не были закончены вполнѣ. Нужно было записать груду пакетовъ въ исходящій журналъ, нужно было исполнить кое какія, второстепенной важности, бумаги *). Лишь въ 5 часовъ вечера, 3-го числа, Гондатти запломбировалъ кожаную почтовую суму и сказалъ: „баста“.

Но, покончивъ казенныя дѣла, онъ не начиналъ еще своихъ личныхъ. Груда его собственныхъ писемъ лежала еще не распечатанной. Лишь въ 5 часовъ вечера началъ онъ распечатывать и читать письма отъ своихъ друзей и отъ родныхъ.

Здѣсь начинается, такъ сказать, интимная жизнь Николая Львовича, говорить о которой, конечно, нельзя. Замѣчу, однако, что многочисленныя письма были полны упрековъ, что онъ, оставаясь такъ долго въ Чукотской землѣ, губитъ свое здоровье, губитъ свою жизнь.

Письма нѣкоторыхъ членовъ Императорскаго Антропологическаго общества при Московскомъ университетѣ звали Гондатти въ Москву, къ его прежней дѣятельности; они увѣдомляли его, что даже та казенная квартира при Политехническомъ му-

*) Да не подумаетъ читатель, что Гондатти дѣлаетъ все самъ потому, что, кто нибудь изъ его подчиненныхъ лѣнился бы. Почтенный помощникъ Гондатти Василій Васильевичъ Анкудиновъ имѣетъ свои спеціальныя обязанности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ хозяйственной части. Гондатти очень цѣнитъ трудъ своего помощника и, насколько мнѣ извѣстно, вошелъ съ ходатайствомъ по начальству о награжденіи Анкудинова, за его примѣрную службу, первымъ класснымъ чиномъ.

зеѣ, которая полагается ученому секретарю общества, не занята еще и ждетъ его. Гондатти былъ растроганъ такими знаками къ нему вниманія; но, поработавъ такъ долго, поработавъ такъ много въ отдаленнѣйшемъ уголкѣ Приамурскаго края, видя воочію реальные плоды своей цивилизаторской дѣятельности, находя, что и въ другихъ странахъ необъятнаго Приамурья его дѣятельность могла бы быть не безполезной и желая посвятить себя службѣ Приамурскому краю, онъ поручилъ мнѣ доложить г. Приамурскому Генералъ-Губернатору Сергію Михаиловичу Духовскому, что онъ, Гондатти, полюбилъ первобытныя страны Приамурья и желаетъ работать на благо ихъ культуры и цивилизаціи.

Утро 4-го августа, день нашего отъѣзда, я и Гондатти встрѣтили, не спавши ни одной минуты.

Отвѣты на письма, исключая весьма немногихъ, были написаны телеграммами.

Въ 12 часовъ дня былъ назначенъ отходъ парохода. Къ этому часу Гондатти пріѣхалъ на пароходъ. Простился Гондатти съ командиромъ, простился со мной и, салютуемый выстрѣломъ изъ сигнальной пароходной пушки, пальбою изъ ружей и револьверовъ, которую производили капитанъ, штурманъ, боцманъ и нѣкоторые изъ матросовъ, Гондатти сѣлъ на шлюпку, а пароходъ сталъ медленно двигаться... Скоро Гондатти и его резиденція, Маріинскій постъ, скрылись изъ вида. Пароходъ съ каждымъ оборотомъ приближалъ насъ къ странамъ, гдѣ трудами такихъ же дѣятелей, какъ Гондатти, ярко горитъ свѣточъ вѣры и цивилизаціи и гдѣ, какъ завѣтную святыню, хранятъ имена тѣхъ самоотверженныхъ дѣятелей, которые, пренебрегая голодомъ, холодомъ, пренебрегая самою жизнью, работая во имя блага родины, дали жизнь отвѣчно пустыннымъ странамъ.

Что же сдѣлалъ въ Чукотской землѣ Гондатти?

Какъ представитель русской власти, онъ, черезъ меня, послалъ губернатору 9 мѣшковъ пушнины, полученной въ ясакъ съ чукчей, народа, никогда никому никакого ясака не платившаго. Та пушнина, которую въ XVII и XVIII вѣкахъ вывозили казаки, не была ясакомъ; это была военная добыча случайныхъ побѣдителей.

Какъ администраторъ и цивилизаторъ, онъ сдѣлалъ то, что кровавые обычаи Чукотской земли замѣняются обычаями

народовъ культурныхъ: безнадежно больныхъ начинаютъ лѣчить въ случаѣ недоразумѣній между чукчами вмѣшательство ножа или пули замѣняется нынѣ обращеніемъ къ гуманному и справедливому суду русскаго „капитана".

Перваго августа я лично видѣлъ, какъ съ верховья рѣки, за 400 верстъ, на двухъ байдарахъ, пріѣхали 19 чукчей разбирать семейное дѣло, заключавшееся въ томъ, что чукча, условившись проработать за свою будущую жену 5 лѣтъ, обманомъ вывезя ее изъ становища, черезъ два года взялъ себѣ другую жену, не сказавъ ей, что уже имѣетъ одну. Двѣ обиженныя семьи пріѣхали искать защиты Гондатти отъ такихъ похожденій чукотскаго ловеласа. Гондатти присудилъ: чукчѣ, неисполнившему условія, исполнить его и отработать еще три года, а второй женѣ предоставилъ поступить по ея свободному усмотрѣнію.

Здѣсь важенъ уже самый фактъ, что чукчи, по своей волѣ, стали обращаться къ компетенціи русской власти.

Какъ земскій дѣятель, Гондатти урегулировалъ отчасти торговлю и можно думать, что его проекты о поднятіи экономическаго благосостоянія будутъ осуществлены и проведены въ жизнь.

Наконецъ, какъ ученый, онъ, изучивъ чукотскій языкъ, проведя въ средѣ чукчей цѣлые мѣсяцы, проникъ въ тайну міровоззрѣнія дикаря, что всегда составляло задачу науки.

Гондатти собралъ колоссальную коллекцію череповъ и различныхъ частей скелета чукчи, имѣющую значеніе для ученыхъ изслѣдователей; онъ собралъ полную коллекцію флоры и фауны страны и та коллекція, которая пожертвована имъ въ Хабаровскій естественно-историческій музей, не составляетъ всего: это только ничтожная часть того, что собрано Гондатти. Въ такъ называемомъ „складѣ" самое большее мѣсто занимаютъ ящики съ коллекціями. Впрочемъ не мнѣ судить объ ученой дѣятельности Гондатти: объ этомъ онъ разскажетъ самъ, когда возвратится.

Но возвратится ли когда нибудь Гондатти, хватитъ ли его пошатнувшагося здоровья, чтобы провести въ Чукотской землѣ еще третью суровую полярную зиму, сказать трудно. Я же, съ своей стороны, могу по этому поводу высказать, въ заключеніе, свое искреннее и глубокое убѣжденіе: останется ли Гондатти живъ, сложитъ ли онъ свои кости въ Чукотской землѣ, но его

имя, его самоотверженная дѣятельность, очевидцемъ которой я былъ, составитъ гордость не только Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества, членомъ-учредителемъ котораго онъ состоитъ, но оно составитъ гордость всѣхъ истинно русскихъ людей, любящихъ своего Царя и Отечество.

А. Сильницкій.

1896 г. 10 августа въ 10 ч. 30 м. у.

Апачу. 12) *А. П. Сильницкій*. Заслуга Семена Дежнева (историческ. справка). 13) *Н. А. Зиновьевъ*. Изъ поѣздки на Сунгари. 14) *Н. Матюнинъ*. Корейское населеніе и переселенцы въ Сунгарійскомъ бассейнѣ. 15) *Дмитрій Богдановъ*. Дневникъ по поѣздкѣ на Сунгари въ 1895 г. на пароходѣ „Телеграфъ". Ц. 2 р. 50 к.

Протоколы общаго собранія и журналы совѣта Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О. Апрѣль 1894 г.—апрѣль 1895 г.

Уставъ Импер. Русск. Геогр. Общ. и Положенія о Приамурскомъ его Отдѣлѣ. 1895 г.

Дѣйствительные члены Отдѣла всѣ вновь выходящіе выпуски, равно какъ и другія изданія „Записокъ" Отдѣла получаютъ безплатно, изданія же за годы предшествующіе вступленію ихъ въ число членовъ—по половинной цѣнѣ.

Получать можно у Правителя дѣлъ Отдѣла.

Ученыя записки ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ. и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся къ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей. памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб.

Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

еокоп

„ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ"

и

ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ.

6-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ выходитъ, по прежнему, **2 раза въ мѣсяцъ**, въ размѣрѣ отъ **одного** до **трехъ** печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ г. г. горныхъ инженеровъ: **Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго, Н. Г. Лебедева, В. С. Реутовскаго, Э. К. Фреймана, М. А. Шостакъ** и **Г. М. Яцевича**. На сотрудничество изъявили согласіе профессора Императорскаго Томскаго университета: **А. М. Зайцевъ** и **Ф. Я. Капустинъ** и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданія,—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и, въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачи, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ , зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ **мартѣ, апрѣлѣ, маѣ** и **іюнѣ** будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота въ 1896 году во всей Имперіи по каждому пріиску отдѣльно.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Общее обозрѣніе. II. Горное и заводское дѣло. III Прикладныя: минералогія, геологія и геогнозія. IV. Исторія, хозяйство и статистика золотопромышленнаго и горнаго дѣла вообще. V. Механика золотого дѣла. VI. Горное законовѣдѣніе. VII. Узаконенія и распоряженія правительства. VIII. Новости и извѣстія. IX. Финансовое положеніе пріисковъ и золоторуднаго дѣла. X. Корреспонденціи. XI. Почтовый отдѣлъ. XII. Библіографія. XIII. Справочный листокъ. XIV. Объявленія.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи, такъ и переводныя. Все лучшее, уже имѣющееся на иностранныхъ языкахъ или могущее появиться, составитъ, по возможности, необходимый матеріалъ журнала. Статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ пересылкой или доставкой):

На годъ .	**9** руб.	На **3** мѣсяца .	**3** руб.
„ полгода .	**5** руб.	„ **1** мѣсяцъ .	**1** руб.

Подписка принимается въ Томскѣ—1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій переулокъ, домъ Г. Я. Цама); **въ С.-Петербургѣ**—въ главной конторѣ Коммисіонера казенныхъ горныхъ заводовъ. Малая Морская, д. № 9; **въ Иркутскѣ**—въ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія» и въ магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-Издатель Горный Инженеръ В. С. РЕУТОВСКІЙ.